

Глава шестая. Научный анархизм и коммунистический индивидуализм

Но чему такому учил русский махатма, что известные восточные мудрецы жаждали видеть его и говорить с ним? Напоминала ли их беседа общению с махатмами героя «Лезвия бритвы» И. А. Ефремова? Наверняка им было о чем побеседовать. Ведь даже материалистические, атеистические идеи, столь милые сердцу Кропоткина, исповедовались в Индии уже в V веке до н. э. А с китайским анархистом он вполне мог обсудить и традиции древнего философа Лао-цзы, которого оба они считали предтечей анархизма.

В начале 1886 года, перед отъездом в Британию, Петр Алексеевич писал Герцигу и Дюмартре о том, что в последующем одной из главных своих задач он видит разработку «философии анархии», «философии будущего», наподобие того, как «философия [Виктора] Кузена стала философией Франции»: «Я это сделаю. Если я делаю это плохо, неважно: я открою дорогу, другие, более одаренные или даже лучшие по своим специальным способностям, сделают это лучше меня. Я это сделаю. Там это прежде всего будет сделано. Потом я ее опубликую. Где-нибудь, как-нибудь»[1047].

Именно этим гигантским трудом, для которого ему пришлось применить все свои поистине энциклопедические знания в самых широких областях – естественных науках, географии, биологии, философии, социологии, истории, – Кропоткин и занялся в десятилетия, прожитые им в британском изгнании. В эти годы были написаны и опубликованы его главные книги и работы, сделавшие Петра Алексеевича наиболее авторитетным и признанным теоретиком мирового анархизма.

В 1892 году увидела свет книга «Завоевание хлеба» (в русском переводе «Хлеб и Воля»), написанная на основе его статей, выходивших в газетах *Le Révolté* и *La Révolte*, – убедительное и исчерпывающее обоснование анархистского коммунизма. В 1893 году выходит «Великая Французская революция», в которой Кропоткин не только излагает историю этого величайшего социального переворота, но и формулирует важнейшие моменты для понимания и анализа любой революции вообще.

В 1897 году появляется «Анархистская мораль» – одна из первых попыток продемонстрировать этические принципы анархизма. Эта тема волновала Петра Алексеевича на протяжении всей жизни. В 1898 году Кропоткин выпускает текст обзорной лекции «Анархия, ее философия, ее идеал». В 1899 году выходит блестящая критика индустриально-капиталистического общества и изложение проекта того, что мы назвали бы сегодня постиндустриальным путем развития человечества, – работа «Поля, фабрики и мастерские». В ее основу легли статьи, опубликованные Петром Алексеевичем в 1888–1890 годах в журнале Nineteenth Century и газете Freedom.

Свои представления об эволюции природы и общества Кропоткин суммировал в книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902), ее составили статьи, написанные в 1890–1896 годах для Nineteenth Century. Статьи 1892 года в том же журнале и другие тексты разных лет превратились в итоге в книгу «Современная наука и анархия» (1912), к которой Петр Алексеевич прибавил позднее очерк «Государство и его роль в истории» (1909).

* * *

Все эти и другие работы мыслителя необходимо рассматривать во взаимосвязи. Кропоткин поставил перед собой поистине грандиозную задачу – создать целостную анархистскую картину мира, построить величественное здание «научного анархизма», разработав систему воззрений, которая объясняла бы все сферы жизни природы и общества и была бы основана на универсальном принципе свободы.

Прав он был или нет в своем стремлении разработать единую философию анархизма, но одно несомненно: Петр Алексеевич был твердо убежден в возможности и необходимости это сделать. Намерение вполне в духе XIX столетия с его неколебимой верой в науку и прогресс. Революционерам того времени полагалось быть оптимистами. Умами владел позитивизм. Прогресс человечества, наука, путь вперед, к светлым горизонтам знаний и овладения силами природы, – это была поступь, которой, казалось, не будет конца. Социалистов и анархистов питала надежда на расцвет сказочной по мощи техники, на то, что она вот-вот освободит человечество от тяжкого груза нетворческого и рутинного труда, если только этому не помешает паразит-капитализм. Вера в скорое материальное изобилие, когда потекут наконец молочные реки в кисельных берегах, а земной шар станет утопической страной Шлараффией, в которой всего будет вдоволь и человек избавится от тяжкого труда, была в их представлении тесно связана со свободой и ее осуществлением. Революционеров влекли любовь к людям, доверие к изначально доброму в них. Они надеялись на устойчивость и укорененность социальных инстинктов солидарности, невзирая на все ужасы капиталистического и государственнического себялюбия.

В эпоху до Первой мировой войны казалось, что добро и справедливость – вот они, почти на поверхности, что можно разбудить их взрывом, выстрелом или другим шумом бунта небольшого меньшинства. Казалось, что общины и общинность, с присущей им взаимопомощью, еще живы или в реальности, или в сознании, нормах и привычках. А значит, нет надобности их «революционизировать». Достаточно просто начертить Великую руну свободы – и золотое заклание Желтого Дьявола, капитала, падет.

XX век – длинный или короткий – и впрямь принес торжество науки и техники, но не принес свободы. Он вершил свою поступь в дыму военных пожаров и крематориев концлагерей, под стоны и вопли умирающих от голода или гибнущих под бомбами. Старое, традиционное общество с его общинами и рабочими кварталами, с рабочей культурой, понимавшей себя как систему жизни, норм и ценностей, диаметрально противоположных и во всем противостоящих буржуазной цивилизации, – это общество рассыпалось, распалось на атомы. Освобождение сегодня неотрывно от реконструкции, воссоздания социальной ткани, воссоздания тех «пространств», «форумов», где люди снова могли бы обсуждать друг с другом, что и как им делать со своей жизнью и своим обществом. Мы знаем это сегодня. Но Кропоткин не мог этого знать. Отчуждение человека, социальная атомизация, деспотическая функция науки и техники как «господства» (говоря языком философов Франкфуртской школы) еще не достигли современных нам масштабов. И оптимистическая попытка философа-анархиста разработать «научный анархизм» была неразрывно связана с его временем.

* * *

Подобно многим людям науки своего времени, Кропоткин считал себя позитивистом. Он отвергал существование бога и сотворение им мира, но и марксистский материализм с его диалектикой философа не устраивал. В отличие от Бакунина, который истолковал гегелевскую диалектику в духе отрицания, сделал ее «негативной», настоящей «алгеброй революции», Петр Алексеевич воспринимал диалектические представления как чистую умственную «спекуляцию», далекую от действительности. Да, конечно, природа и общества развиваются, утверждал он, но вовсе не обязательно по неким предопределенным и «железно необходимым» законам диалектики. Кропоткина не устраивало не только гегелевско-марксово «отрицание отрицания», когда все в мире рассматривалось как единство и борьба противоположностей, приводящая затем к их синтезу на более высокой ступени развития. Ему не могло понравиться и бакунинское чистое, абсолютное отрицание существующего – ведь и это ему, конечно же, должно было представляться господством абстрактного принципа над реальной жизнью. В постулировании любых общественных законов, не зависящих от воли и действий людей, ему виделся некий заранее заданный, предопределенный детерминизм, когда происходящие процессы становятся не следствием определенного соотношения факторов на данный момент, а проявлением неминуемой силы, подобной силе рока. Это был бы тот же самый бог, только не персонифицированный. И такая несвобода была отвратительна Кропоткину-анархисту.

А потому Петра Алексеевича – вопреки его собственному мнению о себе – можно назвать «позитивистом» лишь с очень большой оговоркой. С действительным позитивизмом его роднило стремление выстроить единую и все объясняющую научную картину мира. Однако если «обычные» позитивисты были склонны переносить на развитие человеческого общества действие закономерностей, которым подчинялось существование мира живой и неживой природы, то Кропоткин поступал наоборот. Он пытался распространить на природу (в том числе неживую) социальные принципы гармонии и свободного соглашения.

Философ-анархист пришел к выводу: то, что именуется в науке «законами», само по себе есть не некое предустановление, предшествующее явлению или организму, а конкретный результат взаимоотношений и соотношений между различными явлениями и элементами данного явления или организма. «То, что называлось прежде "естественным законом", представляется нам не более как улавливаемым нами отношением между известными явлениями; каждый такой "закон" получает теперь условную форму причинности, т. е. "если при таких-то условиях произойдет такое-то явление, то за ним последует другое, такое-то явление", – говорил Кропоткин в лекции "Анархия, ее философия, ее идеал". – Вне явлений нет закона; каждое явление управляется не законом, а тем явлением, которое ему предшествовало... Гармония в природе является для нас временным равновесием, устанавливаемым между различными силами, – некоторым временным приспособлением, которое может существовать лишь при условии постоянного видоизменения, представляя собою в каждый данный момент равнодействующую всех противоположных сил. Стоит только одной из этих сил оказаться стесненной на время в своем действии, и гармония исчезнет... Если другие силы будут ей противодействовать, она все-таки не исчезнет, а нарушит в конце концов равновесие и нарушит гармонию, чтобы найти новое равновесие, новую форму приспособления»[1048].

Любой живой организм, утверждал Петр Алексеевич, представляет собой такое сложившееся под воздействием окружающей среды равновесие, скорее «агломерацию, состоящую из миллионов отдельных индивидуумов, чем единую и нераздельную особь». По его мнению, можно было вести речь «о федерации пищеварительных органов, органов чувств, нервной системы и т. д. – органов, очень тесно связанных между собою... но тем не менее живущих каждый своей особой жизнью. В свою очередь, всякий орган, всякая его часть состоит из независимых клеток, соединяющихся друг с другом для борьбы с неблагоприятными для их существования условиями... Каждый индивидуум, одним словом, представляет собой мир органов, каждый орган – целый мир клеток, каждая клетка – мир бесконечно малых, и в этом сложном мире благосостояние целого зависит вполне от размеров благосостояния, которым пользуются мельчайшие микроскопические частички организованного вещества»[1049].

В этих строках легко увидеть то самое распространение на природу принципов социальной гармонии, о которой мы уже говорили. Отсюда и использование Кропоткиным при описании взаимодействия различных частиц, элементов, органов, планет, сил и т. д. – то есть явлений, лишенных сознания, – таких терминов, как «федерация». Терминов, предполагающих, в нашем понимании, наличие осознанной воли и возможностей осознанной договоренности, разумного соглашения.

Тем не менее этот момент, порожденный чрезмерной увлеченностью Петра Алексеевича и его стремлением «очеловечить» природу, не должен, как представляется, заслонять от нас самое существенное. Мыслителя-анархиста можно по праву считать основоположником взгляда, в соответствии с которым живой организм представляет собой результат взаимодействия и взаиморазвития составляющих его компонентов, который, в свою очередь – как целое и в своих отдельных, взаимодействующих частях, – находится под воздействием окружающей среды. Форма его существования определяется достигнутым в каждый данный момент равновесием всех этих сил и элементов и изменяется. Она эволюционирует по мере

изменения этого равновесия, заново адаптируясь к его условиям. По существу, это предвосхищение современной биологической концепции аутопоэзиса, то есть самосоздания живого, только изложенное в несколько абстрактно-философском виде: таком, как это позволял тогдашний уровень научных знаний.

* * *

Во взглядах Кропоткина на природу первостепенную роль играл фактор адаптации – точно так же, как и в современной экологической науке. Именно благодаря адаптации живой организм приобретал те, а не иные характерные черты и становился самим собой. Ее движущие силы интересовали мыслителя прежде всего. Он полагал, что они действуют как в нечеловеческой природе, так и в живом обществе.

Именно здесь лежали основы сложного отношения Кропоткина к эволюционной теории Чарльза Дарвина, с его представлениями о «естественном отборе», межвидовой и внутривидовой конкуренции и «выживании сильнейших». Сам Петр Алексеевич считал себя сторонником идеи эволюции и дарвинистом, но полагал необходимым очистить Дарвина от неверных и однобоких истолкований его учения и в первую очередь от попыток перенесения представлений о внутривидовой конкуренции и естественном отборе на развитие человеческого общества, – так называемого социал-дарвинизма. Надо сказать, что в этом вопросе у него было немало предшественников. «До известной работы Кропоткина Н. Д. Ножин, А. Н. Бекетов, А. Н. Северцов и особенно К. Ф. Кесслер много писали о том, что в борьбе за жизнь против других видов и против окружающей среды организмы соединяют свои силы и помогают друг другу. Влияние этой традиции на Кропоткина было большим»[1050], – пишет американский исследователь Дэниел Тодес.

Именно Карл Федорович Кесслер, профессор Санкт-Петербургского университета, зоолог, был первым автором, заронившим у Кропоткина интерес к теме взаимопомощи среди животных. Его речь «О законе взаимной помощи», изданную в 1880 году, Кропоткин с интересом прочитал в первый год своего заключения, в камере тюрьмы Клерво[1051]. Свои статьи «о взаимной помощи в борьбе за существование» он сам трактовал как «развитие мысли, некогда высказанной Кесслером»[1052].

По мнению Кропоткина, Дарвин склонялся к пониманию «борьбы за существование» в более широком смысле, чем «борьба между индивидуумами за средства существования», и сознавал, что наиболее приспособленными и более способными к выживанию «оказываются вовсе не те, кто физически сильнее, или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга, как сильных, так и слабых, – ради блага всего своего общества». Однако, сетовал он, последователи Дарвина не только не развили его теорию в этом направлении, но и «стали изображать мир животных как мир непрерывной борьбы между вечно голодающими существами, жаждущими крови своих собратьев. Они наполнили современную литературу возгласами "Горе побежденным!" и стали выдавать этот клич за последнее слово науки о жизни»[1053]. Иными словами, Кропоткин упрекал позитивистских дарвинистов в том, что они переносили на природу социальные нормы капиталистического общества «войны всех против всех».

Не отрицая существования в природе таких явлений, как межвидовая конкуренция, Кропоткин критиковал в первую очередь идею о том, что именно конкуренция внутри каждого отдельного вида является движущей силой его развития. Так он пытался защитить Дарвина от дарвинистов. Но, возможно, ощущение известной противоречивости таких попыток (поскольку Дарвин о внутривидовой конкуренции, в том числе внутри человечества, все же отзывался позитивно) позднее привлекло внимание Петра Алексеевича к эволюционной теории, выдвинутой Жаном Батистом Ламарком. Этому способствовало и само представление о «самопостроении» живого под воздействием и влиянием окружающей среды.

Как известно, ламаркистская биология объясняла эволюцию жизни и видов именно адаптацией организмов к изменениям окружающей среды. Господствовавшая дарвинистская биология отвергала эти воззрения, доказывая, что свойства, приобретенные живыми организмами в процессе адаптации, не передаются по наследству. Первоначально Кропоткин реагировал на возросший в начале XX века интерес к ламаркизму с большой настороженностью. Его беспокоило, как писал он 3 ноября 1909 года своей ученице, русской анархистке Марии Исидоровне Гольдсмит (Марии Корн, 1871–1933), «целое направление: воспользоваться ламарковской *action directe du milieu* (прямым действием окружающей среды. – Авт.) (или, вернее, как он выражался, – *pouvoir d'adaptation de l'organisme* (возможностью организма к адаптации). – Авт.), ч[то]б[ы] бить дарвинизм и вернуться к какой-то *force directrice de l'évolution* (силе, руководящей эволюцией. – Авт.) и в конце концов к гегелевской «Мировой Душе» и прочей ерунде». Но после ознакомления с новой литературой и работой по этому вопросу самой Марии Гольдсмит он в письме ей же от 25 декабря 1909 года отзывается о проблеме уже в ином тоне: «Как хорошо вы сделали, что отстояли Lamarck'a. Ведь с легкой руки Дарвина его чуть не дураком выставляли, особ[енно] всякие с[оциал]-дем[ократические] идиоты». «Я строго вдумывался в ваши выводы по каждой отдельной теории, – пишет он, – и могу только сказать, что пришел к тем же... На деле же я глубоко убежден в передаваемости очень широкой, причем, конечно, средством передачи служит кровь и белые шарики и все вообще перемещения протоплазмы, идущие на питание *germ-plasma* [зародышевой плазмы]. Если уже в растениях идет полное сообщение из клетки в клетку, через поры клеточек, то тем более то же должно происходить в животных. Только есть, конечно, такие мелочи, кот[о]р[ые] не передаются, а воспроизводятся вновь в каждом поколении»[1054].

Кропоткин возражал не против ламаркистского принципа адаптации, а против придания ему характера того самого предустановленного «закона», который он отвергал. В 1910 году он написал две статьи о влиянии среды на животных, а в 1911 году работал над статьей о наследовании приобретенных свойств. Как видим, мыслитель-анархист, по существу, синтезировал в своих взглядах идеи о самопостроении и саморазвитии живых организмов под влиянием их внутреннего строения и окружающей среды. Именно такое равновесие, по его мнению, делало организм тем, что он есть, и изменяло его при изменении этих факторов.

Кропоткин решительно возражал против теорий, сводящих всю наследственность к передаче генетического материала. Однако именно эти концепции возобладали в XX столетии. Сильный ущерб ламарковской традиции нанесла ее дискредитация попытками

некоторых экспериментаторов ускорить эволюцию путем принудительного закрепления приобретенных организмами свойств. Природе для изменения видов требуются сотни тысяч или даже миллионы лет – так что, разумеется, авантюристические обещания советского агронома и биолога Трофима Денисовича Лысенко (1898–1976), любимца Сталина и Хрущева, вывести новые виды сельскохозяйственных растений путем их «воспитания» и тем самым решить извечную «продовольственную проблему» закончились вполне предсказуемым крахом.

Научный мейнстрим во многом стал базироваться на мифах. Один из них гласит, что в вопросах биологии, развития жизни и возникновения человека можно быть либо креационистом (то есть считать, что мир создан неким верховным существом исключительно по его собственной воле), либо дарвинистом (то есть сторонником теории вытеснения, уничтожения «слабых» организмов и видов сильными и генетического детерминизма). Все альтернативные точки зрения, как, например, адаптационная теория эволюции Ламарка, с порога отвергаются обеими сторонами мейнстрима. Только новые научные открытия и гипотезы в конце XX века – например, гипотезы, возникшие при изучении эволюции генов иммунной системы позвоночных животных, или уже упоминавшаяся нами концепция «аутопоэзиса» – позволили бросить вызов обоим вариантам детерминистского взгляда и подтвердить важность адаптации и самоадаптации в развитии живого, которая подчеркивалась и в ламаркистской биологии.

* * *

Итак, по мысли Кропоткина, наилучшие шансы на выживание и воспроизводство потомства имеют наиболее адаптированные к окружающей среде организмы и виды. Главным фактором адаптации он считал взаимодействие, взаимозависимость, симбиоз, – иными словами, то, что именовалось «взаимопомощью». Именно она, утверждал Петр Алексеевич, и является залогом и условием прогрессивной эволюции всех живых видов, включая человека!

«Едва только мы начинаем изучать животных... – пишет Кропоткин, – как тотчас же замечаем, что, хотя между различными видами, и в особенности между различными классами, животных ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление, – в то же самое время, в таких же или даже в еще больших размерах, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду или, по крайней мере, к тому же сообществу. Общественность является таким же законом, как и взаимная борьба». Более того, продолжает он, «те животные, которые приобрели привычки взаимной помощи, оказываются, без всякого сомнения, наиболее приспособляемыми. У них больше шансов выжить, и единично, и как виду, они достигают в соответствующих классах (насекомых, птиц, млекопитающих) наивысшего развития ума и телесной организации»[1055]. В своей книге о взаимопомощи Кропоткин приводит бесчисленные примеры проявления этого начала в животном мире, демонстрируя на основе данных научных наблюдений, как «сотрудничают» и поддерживают друг друга к взаимной пользе живые существа одного и даже различных видов.

Но что представляет собой это природное начало взаимопомощи? Не есть ли это проявление некоего предустановленного этического закона – то есть, в конечном счете, не носит ли оно своего рода заданный «извне», религиозный или божественный характер?

Нет, отвечает Кропоткин. Речь идет о биологическом инстинкте, который сформировался в природе именно как закрепление поведенческих норм, наилучшим образом способствующих адаптации к среде и выживанию популяции или вида в целом. Он необходим «для сохранения, процветания и прогрессивного развития каждого вида... – пишет Петр Алексеевич в своем труде «Этика». – Проявившись уже в самом начале развития животного мира, этот инстинкт, без сомнения, так же глубоко заложен во всех животных, низших и высших, как и материнский инстинкт, быть может, даже глубже». Более того, именно здесь, в природном инстинкте взаимопомощи, Кропоткин видел основы того, что затем, в человеческом обществе, развилось в начала солидарности, альтруизма и осознанного сотрудничества. Разумеется, анархист был далек от мысли об отождествлении биологического и социального; он прекрасно отдавал себе отчет в том, что это явления разного уровня и разной степени осознанности своих действий. Но он был убежден, что ничто не берется из ничего. Явления человеческого общества обязательно должны иметь какой-то зародыш в мире природы в целом. И «в этом же инстинкте лежит зачаток тех чувств благорасположения и частного отождествления особи со своею группою, которые составляют исходную точку всех высоких этических чувств. На этой основе развилось более высокое чувство справедливости или равноправия, равенства, а затем и то, что принято называть самопожертвованием»[1056].

Дальнейшим развитием инстинкта взаимопомощи, сформировавшегося в природе инстинкта «социальности» и стремления сохранить свой вид Кропоткин считал и человеческое общество. Это более древний институт, чем государство, которое сопутствует жизни человечества лишь на протяжении части его истории. И если марксисты видели в обществе преимущественно экономический феномен, то есть объединение людей для совместного удовлетворения их хозяйственных потребностей, то для Кропоткина – это феномен, можно сказать, изначально «биологический», приобретший затем собственно социальные, «человеческие» черты. «Общество не было выдуманно человеком, оно существовало раньше появления человекоподобных существ», – писал он[1057].

Эта внутренне присущая людям как виду социальность, полагал Петр Алексеевич, всегда побуждала людей жить обществами, которые на протяжении тысячелетий принимали самые различные формы – родов и племен, семей, сельских и городских общин, цехов, гильдий, братств и других объединений, которые Кропоткин подробно рассматривает и анализирует в книге «Взаимопомощь». Существовавшие в них общественные учреждения, то есть органы и механизмы принятия и осуществления коллективных решений, были основаны на принципах самоорганизации, солидарности и автономии. Лишь на позднем этапе развития рядом с самоорганизованным обществом появился институт государства.

Итак, общество, в глазах Кропоткина, – это совокупность естественных, хотя и развивающихся форм общежития, совместной жизни людей, социальных связей, основанных на самоорганизации и взаимопомощи. Говоря его словами, «как всякий живой организм, общество представляет собой... очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи

соглашений, вольных и невольных, множества пережитков старого и молодых стремлений к лучшему будущему»[1058]. Оно далеко не всегда неиерархично, отнюдь не обязательно строится на почве равенства и справедливости. Но по мере развития человечества, был убежден мыслитель-анархист, происходит и развертывание, расширение и углубление действия принципа взаимопомощи и социальности, причем на все более и более осознанной основе.

Человеческое общество на планете, утверждал Петр Алексеевич вслед за французским философом Альфредом Фулье (1838–1912), развивается путем распространения этических «идей-сил», то есть идей, которыми все более сознательно руководствуются люди в своих действиях, тем самым претворяя эти принципы и нормы в жизнь. Вначале, говорит он, воспринимались как люди и солидарные партнеры по взаимной помощи только члены своего рода, племени или общины, потом – своего народа или своей цивилизации, пока наконец представление о том, что все земляне – люди и товарищи, не стало распространяться на все человечество. Теперь, считал Кропоткин, постепенно складывается представление о том, что наша родина – это весь мир, а наш народ – все жители планеты. Максимальное расширение тяги к социальности и взаимопомощи создает предпосылки и основы для утверждения действительно солидарного общества свободных и равных.

* * *

Кропоткина и других сторонников анархо-коммунизма нередко упрекают в том, что они якобы игнорируют извечное противоречие между обществом и человеческой личностью. Иные философы заявляют, что противоположность между групповыми и индивидуальными устремлениями и интересами, дескать, в конечном счете, непреодолима и здесь в лучшем случае возможно лишь некое сосуществование с минимальными потерями. Петра Алексеевича подозревают в стремлении подчинить личность обществу и, соответственно, в умалении личности. Подобные обвинения в адрес анархистов-коммунистов выдвигали и многие анархисты-индивидуалисты. Но к идеям Кропоткина эти вымыслы не имеют никакого отношения.

Да, мыслитель-анархист делал упор в своих работах на значении общественного начала. Это было понятно и естественно: ведь главная полемика шла как раз с капиталистическим индивидуализмом и эгоцентризмом индивидов, стремящихся к власти и господству. Но Кропоткин отнюдь не игнорировал вопрос о свободе человеческой личности. Наоборот, эта свобода была для него как анархиста краеугольным камнем и главным мотивом всего его мироздания, в котором изначально подчеркивалась роль «единичного», «отдельного».

Свой взгляд на проблему индивидуальности Петр Алексеевич сформулировал наиболее ясно в письме к Максиму Неттлау, написанном им 5 марта 1902 года. Он доказывает, что эгоистический и «человеконенавистнический» индивидуализм, лежащий в основе капитализма и власти, по сути дела, глубоко антииндивидуалистичен, враждебен человеческой личности и ее свободе. «То, что до сих пор называли "индивидуализмом", – писал Кропоткин историку анархизма, – было всего лишь глупым эгоизмом, ведущим к умалению личности. Глупый, ибо это не был индивидуализм. Он не привел к намеченной

цели: к полному, широкому и возможнейшему развитию личности». Индивидуализм королей, аристократов, эстетов, буржуа, социал-дарвинистов, ницшеанцев и даже тех или иных анархистов – ложный. «Буржуа... установил, что для процветания личности необходимы рабы и угнетение других (не его самого и т. п.), результатом чего оказывается уменьшение индивидуальности, характерное для современного буржуазного общества». Такой эгоизм в действительности препятствует позитивной свободе, поскольку уничтожает то, «что необходимо для дальнейшего развития личности», не позволяя людям строить отношения на равных, без иерархии и свободно договариваться друг с другом о совместных действиях на основе взаимопомощи.

Мыслитель предрекает появление «индивидуализма будущего», который станет «высшим выражением личности». Он «в скором времени превратится в идеал философии... – предсказывал Кропоткин. – Это будет нечто вроде individualismus, или personalismus или pro sibi communisticum (коммунистическое для-себя. – Авт.), который, я вижу, приближается и который я постараюсь обосновать со временем». Это «личность, которая достигла наивысшего развития через наивысшую коммунистическую общительность в том, что касается ее исходных потребностей и ее отношений с другими людьми в целом»[1059].

Иными словами, для Кропоткина речь вовсе не идет о «примате коллективного», о подчинении личного групповому и общественному. То общество, за которое он выступал и боролся, должно было быть добровольной федерацией свободных индивидов, в которой отдельные люди имели все возможности для полной самореализации и могли на основе солидарности и взаимопомощи свободно договариваться с другими о тех совместных действиях, которые требовали их общих усилий и которые каждый не мог совершить в одиночку: «Для любой ассоциации основным условием преуспевания является возможно более полная автономия личности». Эта «абсолютная автономия является первым условием федерации»[1060].

Такое общество не было уже машиной, подавляющей отдельного человека, не становилось спрутом, который охватывал, обволакивал, удушал, подчинял индивида, диктуя ему «сверху» или «сбоку», что тот должен делать. Нет, оно становилось союзом людей, находящих общий язык друг с другом на равных. И этими людьми двигал бы не только общий интерес, но и сама потребность в общении как таковом. Идеалом Кропоткина не был ни самодовольный индивид, эгоистически попирающий других, ни сообщество, растворяющее всех своих членов в сверхличностном «надо». Этим идеалом была равноправная гармония между личностью и обществом... Эту систему отношений в одном из писем Черкезову Кропоткин называет в шутку individualismus communisticus – коммунистический индивидуализм[1061].

* * *

Итак, одна из тенденций в развитии человеческого общества, утверждал Кропоткин, основана на глубинных инстинктах и все более осознанной социальной и солидарной самоорганизации. Она создает условия для освобождения человеческой личности и ее полной самореализации во всех областях в форме свободной федерации равных (но

индивидуально различных!) людей на основе безвластия и коммунистических экономических отношений. Но, наряду с этой тенденцией, сформировалась и усилилась другая, противоположная и противостоящая ей. Это явление, которое анархисты называли «авторитетом», что в более точном переводе с европейских языков звучит как «власть», «властничество». «В сущности, всю историю человечества, – писал Петр Алексеевич, – можно рассматривать как стремление, с одной стороны, к захвату власти отдельными людьми или группами с целью подчинить себе возможно широкие круги и стремление, с другой стороны, сохранить равноправие... и противодействовать захвату власти или по крайней мере ограничить его, другими словами, сохранять справедливость внутри рода, племени или федерации родов», в общинах, цехах, вольных городах и т. д.[1062]

Формирование, развитие и укрепление власти привели в итоге к возникновению государства. Государство для анархиста – это власть, отделенная от населения, своеобразная узурпация общественных полномочий (пусть даже с согласия общества), это институты, обладающие монопольным правом принимать решения, приказывать и заставлять повиноваться своим приказам, то есть институты и аппараты насилия и принуждения. Однако в представлении анархистов государство не ограничивалось одним только аппаратом приказания, насилия и принудительной координации человеческих действий. Это еще и сам механизм принятия общественных решений, система колонизации общества правящим аппаратом. «Понятие государства... – замечал Кропоткин, – обнимает собой не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местную жизнь в одном центре, т. е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений общественной жизни в руках немногих. Оно предполагает возникновение совершенно новых отношений между различными членами общества. Весь механизм законодательства и полиции выработан для того, чтобы подчинить одни классы общества господству других»[1063].

Марксистские социалисты, объясняя происхождение государства в истории, утверждали, что этот институт стал результатом уже развившегося социального неравенства и обострения противоречий между классами общества. Для Кропоткина и других анархистов такой подход был упрощенным. Он чересчур отдавал экономическим детерминизмом. В действительности, говорили они, власть появилась в древние времена еще до оформления имущественного неравенства, на основе закрепления временных, чисто функциональных полномочий и злоупотребления ими.

Уже колдуны, шаманы и жрецы в первобытные времена «старались удержать за собой право на управление людьми, не передавая своих знаний никому, кроме избранных, посвященных», и «в этом уже заключался зародыш власти». В ходе столкновений между племенами росла роль военных вождей, которые стремились превратить свои временные полномочия в нечто более постоянное. Наконец расширилось влияние старейшин – тех, «кто умел хранить предания и древние решения»[1064]. Из союза между колдунами, вождями и «законниками», говорит Кропоткин, и родилось в истории государство. Таким образом появился слой людей, которые получили возможность материализовать свое привилегированное положение уже и в имущественной форме. Иными словами, власть и государство способствовали формированию классов: выделению господствующего класса и угнетению, эксплуатации им непривилегированных классов общества.

В отличие от либералов с их концепциями гражданского общества, анархисты не верят в такое совершенствование механизма взаимоотношения между обществом и государством, чтобы это последнее наиболее адекватно представляло и выражало общественные интересы. Анархизм исходит из совершенной несовместимости самоорганизованного общества и государства. Он ведет речь об освобождении общества от государства.

Кропоткин, как и другие анархистские теоретики, видел в государстве внутренне присущую ему тенденцию к экспансии и разрушению общества как системы самоорганизованных, непосредственных связей между людьми и основанных на этих связях органов и институтах. «У крестьян одной и той же деревни, – писал Петр Алексеевич, – всегда есть тысячи общих интересов: интересы хозяйственные, отношения между соседями, постоянное взаимное общение; им по необходимости приходится соединяться между собою ради всевозможнейших целей. Но такого соединения государство не любит – оно не желает и не может позволить, чтобы они соединялись. Оно дает им школу, попа, полицейского и судью; чего же им больше? И если у них явятся еще какие-нибудь нужды, они должны в установленном порядке обращаться к церкви и государству»[1065].

Кропоткин демонстрировал этот процесс на примере разрушения городских общин, цехов и сельских общин абсолютными монархиями в Европе, продолженного и завершеного современным буржуазным государством. «Государство, – объяснял он, – требует прямого и личного подчинения себе подданных, без посредующих групп: оно требует равенства в рабстве; оно не может терпеть "государства в государстве"»[1066]. Государство, продолжал мыслитель-анархист, «развиваясь в течение всей истории человеческих обществ, служило для того, чтобы мешать всякому прямому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почину и личной предприимчивости, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых. И все это – чтобы подчинить народные массы ничтожному меньшинству»[1067].

Именно поэтому, утверждал Петр Алексеевич, государство не может служить орудием социального и личностного освобождения человечества, а государственный социализм стал бы новым, еще более страшным рабством, поскольку означал бы укрепление власти государства над обществом. Ведь государство не просто теснейшим образом связано с правящими классами и поддерживает их, оно не просто орудие господствующего класса, как считают марксисты. Это механизм, имеющий свою собственную логику действия, которая строится на приказах и повиновении, наказаниях и поощрениях, иерархии и подчинении, диктате «сверху вниз» и из «центра» к «периферии». Это отнюдь не нейтральный инструмент, пригодный для чего угодно, в том числе и для созидания свободы. Государство – это аппарат господства над людьми, оно просто не может существовать иначе и способно само создать новый класс привилегированных лиц, которые будут управлять, приказывать и карать. Опыт Великой российской революции 1917–1921 годов и большевистской диктатуры доказал, что Кропоткин и его товарищи были правы.

* * *

Как же может закончиться противостояние двух исторических тенденций – к солидарной самоорганизации и к усилению власти человека над человеком? Кропоткин, как и другие анархисты того времени, смотрели на ход этого противоборства государства и общества оптимистически. Они полагали, что глубинные социальные импульсы человека неистребимы. Государству не удастся их удушить, как бы оно ни пыталось это сделать. «Склонность людей ко взаимной помощи имеет такое отдаленное происхождение, и она так глубоко переплетена со всем прошлым развитием человечества, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории... – писал Петр Алексеевич. – И всякий раз, когда человечеству приходилось выработать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса все из той же самой, вечно живой склонности ко взаимной помощи»[1068].

И мыслитель-анархист ссылался на факты взаимопомощи и солидарности в повседневной жизни, на сохранение общинных традиций в деревне и городе, на деятельность рабочих и профессиональных союзов, стачки и кооперативы, всевозможные добровольные ассоциации и объединения граждан. «Тысячами передовых явлений, тысячами глубоких совершающихся уже изменений анархическое общество уже давно начало развиваться, – соглашался другой видный теоретик анархизма Элизе Реклю в предисловии к кропоткинской книге "Хлеб и Воля". – Оно проявляется всюду, где свободная мысль сбрасывает с себя путы буквы и догмата, везде... где воля человека проявляется в независимых поступках, – везде, где люди искренние, возмущившиеся против всякой наложенной на них дисциплины, сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд. Все это – уже анархия, даже тогда, когда она бессознательна»[1069].

Обратим внимание на этот момент. Мы еще вернемся к нему, когда разговор пойдет о том, как Петр Алексеевич представлял себе социальную революцию.

Хотя, подобно большинству современных ему мыслителей, Кропоткин возлагал большие надежды на общественный прогресс, на развитие науки и техники, он отвергал традиционное позитивистское представление о «линейном» прогрессе в жизни социума. Развитие в одних областях и сферах в условиях несправедливого, иерархического общества, в представлении Кропоткина, сочеталось с регрессом и упадком в других, с дегуманизацией и отчуждением человеческой личности, распадом социальных связей.

В отличие от марксистов, которые считали, что смена Средневековья и феодализма капитализмом и индустриальной системой – это закономерное, поступательное и прогрессивное развитие вперед, мыслитель-анархист полагал, что такой процесс стал лишь одним из альтернативных вариантов в истории, причем далеко не самым лучшим из возможных. То, что человечество пошло по пути централизации политической власти, создания абсолютистских централизованных государств вместо того, чтобы продолжать наметившуюся в Средние века традицию общинного и городского самоуправления, Кропоткин воспринимал как явный регресс, в котором таилась угроза разрушения самой человеческой личности. Он считал капитализм реакционным строем, обществом, основанном на эгоизме, конкуренции, разрушении социальных начал взаимопомощи и

солидарности.

На российский капитализм у Петра Алексеевича был особый взгляд. В 1897 году Николай Чайковский опубликовал статью в «Листках "Фонда вольной русской прессы"». Он утверждал, что правительство Сергея Юльевича Витте (1849–1915) «организует» особую, «небывалую еще на свете систему **государственного капитализма** и таким образом фатально создает совершенный механизм для эксплуатации рабочего класса бюрократией заодно с капиталистами». Новый экономический строй, сложившийся в России, имеет свои характерные черты. Прежде всего это создание капиталистической экономики силами государства, сверху. Интересы государства отождествляются с интересами основного сектора этой экономики – крупной промышленности. Государство выступает в роли крупного предпринимателя и одновременно устанавливает правила игры, регулирует экономические отношения[1070].

Кропоткин соглашался с Чайковским: «**государственным капитализме** нова, и верна. <...> Но этой простой, ясной и верной формулировки – государственный капитализм – я никогда не встречал. А между тем одно это название бросает совершенно новый свет на все, что теперь происходит, и, как всякое умное определение, полно массы последствий»[1071]. Социал-демократические партии фактически стремятся именно к этому строю. По этому же пути идут Германия и отчасти Швейцария, где большой популярностью пользуются идеи «государственного социализма» по Марксу, Энгельсу и Лассалю, предполагающие «сосредоточие... почты, железных дорог, банков, винной продажи и т. д. в руках государства»[1072].

«Россия становится страной госуд[арственно]го капитализма», и только в нашей стране для этого существуют благоприятные возможности. Ведь государство является самым крупным собственником и предпринимателем в России. Кропоткин приводит примеры. «2 / 3 земли – государственные (вся Сибирь)». Железные дороги являются собственностью государства. «Промышленность – в руках у государства не только косвенно, но и прямо (теперь регулируют сахарное дело)». Государство фактически держит на плаву своими заказами и дотациями целые отрасли в регионах, как «железное дело на Урале». Наконец «Государство – главный банкир». Оно финансировало строительство и эксплуатацию железных дорог и скупало их у частных владельцев. «126 отделений Госуд[арственного] банка выдают миллиарды ссуд под хлеб, товары и торговые векселя. Нервная система производства в его руках, а обуславливается это главным образом тем, что у нас капиталы – заграничные, заемные»[1073], – продолжает Кропоткин.

Он советовал Чайковскому как можно чаще использовать свои выводы для критики социал-демократии: «Когда будет доказано, что то, к чему она стремится, есть не общественный и даже не государственный социализм, а государственный капитализм, и теории наносится крупный удар»[1074]. В 1917–1918 годах вслед за народным социалистом Чайковским и Кропоткиным к теории государственного капитализма обратились анархисты, пытавшиеся объяснить развитие и особенности экономической системы, которую строили большевики в России. А затем, в 1920–1930-е годы, ее приняли на вооружение и другие противники советской модели экономики: меньшевики, левые коммунисты и часть троцкистов. И здесь угадал Петр Алексеевич... Да и сейчас, пытаюсь объяснить роль российского государства в

экономике, иные авторы нередко используют термин «государственный капитализм». Но мы полагаем, что на самом деле это уже давно не так...

* * *

Говоря о распаде социальных связей, Кропоткин подразумевал и уничтожение крестьянской общины (с сопровождающим ее разорением крестьянства), и становление того, что сегодня принято называть анонимным и безликим «массовым обществом», когда «при современной системе общественной жизни все узы единения между обитателями одной и той же улицы и „соседства“ исчезли»[1075]. Такие явления Петр Алексеевич считал искажающими и уродующими природу человека, для которой характерен естественный закон социальности и взаимопомощи.

В том, что касается экономики, Кропоткин задолго до современных нам экологов обрушивался на расточительность индустриальной модели, при которой происходит широкомасштабное расхищение естественных ресурсов, энергии и человеческих сил. Он замечал, «к какой ужасающей трате человеческих сил приводит современный порядок»[1076], как человеческий труд затрачивается «на производство предметов, совершенно бесполезных или служащих исключительно для удовлетворения бессмысленного тщеславия»[1077], на производство вооружений, на посреднические, бюрократические и пропагандистские нужды, «на то, чтобы при помощи рекламы заставить вас купить вещь, совершенно ненужную, или навязать покупателям товар дурного качества»[1078]. Кропоткин видел причины такого положения в том, что «производство совершенно потеряло из виду потребности и приняло ложное направление»[1079]. Он считал необходимым «преобразовать производство так, чтобы оно на самом деле удовлетворяло потребности»[1080].

Подобно большинству современных ему мыслителей, Петр Алексеевич возлагал большие надежды на общественный прогресс, на развитие науки и техники. Тем не менее он отвергал традиционное позитивистское представление о «линейном» прогрессе в жизни социума. В условиях несправедливого, иерархического общества развитие в одних областях сочеталось с регрессом и упадком в других, с дегуманизацией и отчуждением человеческой личности, распадом социальных связей. Неудивительно, что он не воспринимал технику как нечто «нейтральное» в том, что касается социальных последствий ее применения. Отсюда вытекала критика им «современной фабричной системы» (то есть индустриальной системы организации производства и разделения труда): деквалификации работников, утраты ими ремесленных навыков и формирования нового типа работника, который знаком лишь с узким набором операций и действий и не в состоянии понимать смысл и цель производственного процесса.

«Современный идеал рабочего сводится, по-видимому, к следующему: женщины, девочки, мальчики, не зная ровно никакого ремесла и не имея ни малейшего представления о промышленности, в которой они заняты, в течение целого дня и целой жизни обречены производить одну и ту же мельчайшую частицу чего бы то ни было... делать пружины к перочинным ножам или "восемнадцатую часть булавки", – писал Кропоткин. – Они рабы

машины, бессознательные члены механизма чудовищных размеров, не имеющие никакого понятия, зачем и почему равномерно движется машина. Ремесло, требующее искусного мастера, обречено на исчезновение как никуда не годный остаток прошлого, и ремесленник, находивший эстетическое наслаждение в производстве своих рук, заменен теперь живым рабом при железном рабе»[1081]. Картина монстрообразных машин, обслуживаемых живыми рабами, – это поистине самые сильные кадры из фильма «Метрополис» (1927) Фрица Ланга.

Трагизм такого положения, по мнению Кропоткина, состоял не только в господстве техники над «тупеющим» человеком, но и в том, что узкоспециализированный работник не склонен ставить вопрос о смысле и цели производства в целом, а следовательно – не склонен и стремиться к контролю над ним и к производственному самоуправлению. Ведь «идеал капиталистической промышленности – это ребенок, смотрящий за машиной, в которой он ничего не понимает и не должен понимать; а рядом с ним – надсмотрщик, налагающий на него штрафы, если его внимание хоть на минуту ослабеет»[1082], затем – организатор производства и так далее вверх по иерархической лестнице. Ставя проблему таким образом, мыслитель на десятилетия опередил свое время: о появлении девалифицированного типа «массового рабочего» в рамках атомизированного «массового общества» и о связанной с этим утратой радикализма рабочим движением социологи заговорили лишь во второй половине XX столетия.

* * *

Еще одна тема, волновавшая Кропоткина, – это широкое развитие международного разделения труда и широкий ввоз импортных товаров, что вело к разорению местного производства, приближенного к нуждам конкретных людей, и усиливало зависимость целых стран, регионов и континентов от безликого мирового рынка или от экономики развитых индустриальных держав, – «то, что называют „развитием“ запоздалых в индустрии стран, то есть попросту грабежом их»[1083]. В то же время Петр Алексеевич не был ни приверженцем национального экономического протекционизма (в духе поощрения «национального производителя»), ни сторонником традиционного для русских народников противопоставления экономических укладов России и Запада. Его подход к социально-экономическим проблемам отличает универсализм. Полная реализация предлагавшейся им альтернативной модели общественного устройства, с точки зрения Кропоткина, была возможна лишь во всемирном масштабе.

В качестве альтернативы разрушительным, с его точки зрения, тенденциям современной формы организации общества Петр Алексеевич предлагал социальную модель, основанную на том, что в наше время называют гуманизацией, экологизацией, хозяйственной диверсификацией, преодолением односторонности и зависимости отдельных региональных и страновых экономических комплексов. Об этих принципах говорили радикальные «зеленые» и экологи в 1970–1980-х годах: жизнь в небольших по размерам, самоуправляющихся человеческих сообществах, которые можно «охватить взглядом»; ведение хозяйства в гармонии с окружающей средой и использование соответствующих технологий, не уничтожающих природу и не разрушающих личность; максимально

возможное использование местных ресурсов и ориентация на нужды конкретных людей, живущих в децентрализованных сообществах; солидарные и товарищеские отношения между людьми...

Кропоткин, напомним, видел в своей эпохе не только разрушительные проявления, но и растущие, как ему казалось, тенденции к их преодолению: к самоорганизации, самоуправлению и децентрализации человеческих сообществ и освобождению личности человека. В этом, по мнению Кропоткина, людям могли помочь и новые технологические открытия, если их можно было применить в соответствии с «человеческим масштабом», в виде небольших, гибких и соразмерных форм.

Во многих своих работах он старался подчеркнуть значение новых начал: внегосударственные ассоциации и объединения взаимопомощи и самопомощи, неправительственные и волонтерские общественные организации, бесплатность тех или иных услуг, производственное самообеспечение – во всем этом ему виделись естественно пробивавшиеся ростки свободной жизни, которые удушались ненавистными ему государством и капиталистическим эгоизмом. Именно их беспрепятственному развертыванию, торжеству этических начал в жизни и должна была, по его мысли, открыть дорогу революция. Победа тенденции к взаимопомощи и солидарности приведет, считал он, к установлению общества анархистского коммунизма, то есть к гармонии между человеком и социумом. Безгосударственный, вольный коммунизм, настаивал он, «представляет собой... лучшую основу для развития личности – не того индивидуализма, который толкает людей на борьбу друг с другом... а того, который представляет собою полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли»[1084].

Преобразования, которые предлагал Кропоткин, должны были стать всесторонними. Человеческое общество подлежало, в его представлении, радикальной децентрализации. Основу новой жизни составили бы автономные самоуправляемые территориальные общины (вольные коммуны) и самоорганизованные союзы различного рода (от экономических до культурных и досуговых), которые получали возможность добровольно соединяться в федерации, сети и объединения. Само единство общества в этой ситуации неизбежно ставилось бы в зависимость от участия человека во множестве различных сетей. Социально-экономическому устройству общества предстояло приобрести очертания, близкие сетевому, освободившись от четкой привязки к территории и превратившись в экстерриториальные, параллельно существующие организации по симпатиям и интересам.

Члены «низовых» сообществ должны были принимать все основные решения во всех областях и сферах на общих собраниях, самостоятельно разбираясь со всеми проблемами, с которыми они могли справиться своими собственными силами. Для координации усилий и совместных действий, требующих участия различных общин и союзов, Петр Алексеевич считал необходимым созыв съездов и конференций делегатов от таких низовых коллективов. Эти делегаты, по его мысли, не имели права принимать решения самовольно, но обязаны были следовать обязательному наказу, который давался им избравшими их общинами и союзами. Деловая направленность мероприятия, привязанная к конкретным проблемам производства, потребления, культуры, науки и других сфер жизни, по мнению

Кропоткина, призвана была обеспечить быстрое принятие и согласование решений, без всякой нужды в государстве и профессиональных управленцах.

На таких же принципах, по его мысли, следовало организовать и экономическую структуру будущего свободного общества. Он писал – если употреблять современную нам терминологию – о необходимости децентрализации производства и системы управления, развития малых гибких технологий в индустрии и малых форм организации труда, о преодолении жесткого разделения труда, о развитии сферы услуг. Все это он связывал с повышением роли технологического фактора, науки и образования, развитием сетевой структуры экономических, политических и общественных связей.

Отрицая элементы индустриально-капиталистического устройства, связанные с подавлением человеческой личности, Кропоткин допускал сохранение некоторых технологий индустриального общества, необходимых для удовлетворения материальных потребностей населения. Но в его модели они ставились в совершенно иной, как сказали бы сейчас, «постиндустриальный» контекст. В работе «Поля, фабрики и мастерские» и некоторых других он поставил под сомнение тезис большинства экономистов о том, что создание крупной промышленности является неперенным условием социального прогресса. Эта крупная индустрия, писал он, дала «правда, блестящие результаты в смысле увеличения производительности человеческого труда. Но результаты эти оказались ужасными в том отношении, что миллионы людей очутились в нищете и принуждены были обратиться к неверным заработкам в наших городах... Такие условия не могут продолжаться. И если полная перемена современных отношений между капиталом и трудом стала необходимостью, то сделалось неизбежным также и преобразование всей нашей промышленной организации»[1085].

Петр Алексеевич доказывал жизнеспособность мелкого производства даже в условиях индустриального общества, его способность перенимать технические новшества и достижения. «Мелкая промышленность, – утверждал он, – одарена необыкновенной живучестью, она подвергается всевозможным изменениям, приспособляясь к новым условиям, и продолжает бороться, не теряя надежды на лучшее будущее»[1086]. Эти мелкие мастерские вполне успешно используют и самую современную технологию, новейшие газовые и электрические двигатели и т. д.

Малые формы производства, полагал Кропоткин, способствуют развитию у работника интеллектуальных способностей, «изобретательности» и рационализаторства, художественного вкуса. Соединяя интеллектуальный и физический труд, рабочий сможет вернуться к ремесленному пониманию целостности производственного процесса на основе современных технологий. Развитие мелких форм организации производства в кооперативных и общинных формах, как считал он, позволило бы возродить ремесленные и творческие навыки, утраченные при индустриальной системе, и сделать шаг к преодолению отчуждения, приближению производства к потребителю и восстановлению контроля производителя над своим трудом.

Анализируя характер производства в средневековой ремесленной мастерской, Петр Алексеевич так объяснял причины высокого качества выпускаемой в ней продукции:

«Вообще ручной труд рассматривался в средневековых "мистериях" (артелях, гильдиях) как благочестивый долг по отношению к согражданам, как общественная функция (Amt), столь же почетная, как и всякая другая. Идея "справедливости" по отношению к общине и "правды" по отношению к производителю и к потребителю, которая показалась бы такой странной в наше время, тогда проникала весь процесс производства и обмена. <...> Средневековый ремесленник производил не на неизвестного ему покупателя, он не выбрасывал своих товаров на неведомый ему рынок: он, прежде всего, производил для своей собственной гильдии; для братства людей, в котором все знали друг друга, в котором были знакомы с техникой ремесла. <...> Кроме того, не отдельный производитель предлагал общине товары для покупки – их предлагала гильдия. <...> При такой организации для каждого ремесла являлось делом самолюбия не предлагать товаров низкого качества, а технические недостатки или подделки затрагивали всю общину»[1087]. Это была та самая тенденция к максимальному прямому сближению производителя и потребителя, которая, по мысли Кропоткина, могла позволить регулировать экономику и в будущем свободном обществе.

Друг Кропоткина, английский писатель Уильям Моррис выступал со страстной эстетической критикой индустриально-капиталистического общества как порождающего уродства, деградацию человека и разрушение природы. Вслед за ним Петр Алексеевич поддерживал идею внедрения в современное производство техники средневекового ремесленного мастерства, а также интеграции искусства в производственный процесс и быт трудящихся. «Для развития искусства, – подчеркивал он, – нужно, чтобы оно было связано с промышленностью тысячами промежуточных ступеней, которые сливали бы их в одно целое, как справедливо говорили Рёскин и великий социалистический поэт Моррис. Все, что окружает человека, – дома и их внутренняя обстановка, улица, общественное здание... – все должно обладать прекрасной художественной формой»[1088].

Однако же Кропоткин не предлагал просто «вернуться назад», в доиндустриальный мир. Он ставил вопрос о разработке и внедрении новых технологий, небольших по масштабам и соответствующих тому, что сегодня называют «человеческим измерением». Условием развития малых форм производства, по его мысли, должны были стать современные методы интеграции труда (промышленного и сельскохозяйственного, физического и интеллектуального, творческого и производительного, исполнительского и управленческого), самоуправление и самоорганизация производственных единиц, а также – внедрение новейших изобретений, развитие наукоемких отраслей в промышленности и сельском хозяйстве. Так, уже в 1890-х годах в работе «Хлеб и Воля» он предполагал в будущем развитие альтернативных видов энергетики (солнечной) и микробиологии[1089].

В то же время Кропоткин вовсе не предлагал полностью отказаться от крупных форм организации производства в тех отраслях и сферах, где они совершенно необходимы. Он указывал на то, что, например, в тяжелой промышленности и машиностроении (чугуно- и сталелитейной, добыче полезных ископаемых, судостроении, трубопрокатном деле, электроэнергетике, на транспорте и других отраслях) и даже отчасти в текстильной индустрии вполне допустимы крупные предприятия. Но и в этих отраслях он предлагал сохранить сектор ручной работы и малых форм производства (например, по художественной выделке тканей).

Децентрализация промышленности, полагал Петр Алексеевич, позволит изменить всю систему размещения производства и преодолеть узкое разделение труда: разукрупненная промышленность будет сочетаться с сельским хозяйством, изменится ландшафт, фабрики станут соседствовать с полями и зелеными массивами.

* * *

Как видим, в вопросах организации производства Кропоткин отстаивал, по существу, выход за пределы индустриальной цивилизации, преодоление индустриальной логики. В этом смысле его вполне допустимо считать одним из первых теоретиков постиндустриализма. Характерно, что сам термин «постиндустриализм», введенный в оборот в 1914 году философом Анандом Кумарасвами (1877–1947), автором работ по доиндустриальному развитию азиатских стран, использовался в те годы для обозначения модели экономического развития, о которой писал Кропоткин. Так, теоретик английского «гильдейского» социализма Артур Пенти (1875–1937) обозначал таким образом систему производственных отношений, где автономное малое производство с интеграцией ремесленных и художественных техник возрождается для преодоления социальных противоречий индустриальной системы.

В те годы, когда Кропоткин высказывал столь «еретические» для сторонников прогресса мысли, его нередко не понимали даже ближайшие товарищи. Что говорить, тогда он умел быть исторически дерзким автором, готовым пойти наперекор «мировым трендам» во имя дорогих ему идей. В письме к Жану Граву, написанном им в 1889 году, Петр Алексеевич вспоминал, что стал заниматься этими вопросами еще с 1879 года и задумывался над ними, сидя в тюрьме в Клерво. В 1883 году он высказал мысли о реорганизации хозяйства Элизе Реклю, который также выступал за гармонию в отношениях между человеком и природой, но тогда тот еще «горячо возражал. Теперь он убедился», – констатировал Кропоткин. Более того, Петр Алексеевич был убежден, что иначе прийти к свободному обществу будет невозможно. «Я считаю, что для революции это представляет величайшую важность, – писал он. – Все социалисты, кроме нас, воображают, что каждому придется просто вернуться к своей работе, положить в карман прибавочную стоимость, и все сказано. Если бы Революция имела несчастье так поступить, она бы погибла. Парижской Коммуне придется самой сеять хлеб, иметь свои овощи, свое мясо, и она будет добывать их на территории департамента Сены»[1090].

Многие современные теоретики постиндустриализма в своих построениях нередко повторяют выводы и предложения российского мыслителя. Среди некогда забытых, но ныне возродившихся или высказанных заново идей можно обнаружить и концепцию двухсферной экономики с небольшими разукрупненными формами при одновременном удовлетворении базовых потребностей за счет крупного, автоматизированного производства, и представления о небольших производственных единицах, основанных на наукоемких, гибких и небольших по размерам технологиях, и вывод о взаимосвязи между «альтернативными» и экологически приемлемыми технологиями, экономией ресурсов, с одной стороны, и децентрализованным, общинным устройством социума – с другой.

Изменение формы организации производства должно было, по мысли Кропоткина, сделать возможным преодоление индустриального типа разделения труда и более рациональное перераспределение труда в обществе. Он предполагал, что с помощью интеграции среднего и профессионального, гуманитарного и технического образования удастся подготовить всесторонне способного и развитого индивида, способного освоить самые различные занятия и роды деятельности, преодолевая навязываемую современным обществом узкую специализацию. «Прежде всего он (человек. – Авт.) выполнит – в виде ли земледельческого, в виде ли промышленного труда – тот труд, который он должен отдать обществу как свою долю участия в общем потреблении. Затем он употребит вторую половину дня, недели или года на удовлетворение своих артистических или научных потребностей»[1091], – предлагал Петр Алексеевич.

Результатом перераспределения труда в обществе и внедрения новых технологий должно было стать общее сокращение рабочего времени до четырех-пяти часов в день.

Далее, Кропоткин предлагал осуществить широкую диверсификацию (то есть всемерное отраслевое разнообразие) производства на основе соединения различных его форм и отраслей, общей децентрализации и разукрупнения. Он выдвинул идею максимально возможного регионального самообеспечения на основе интеграции, соединения промышленного и земледельческого труда и преодоления узкой специализации регионального хозяйства. Каждая страна, каждая географическая область, писал он, могла бы иметь возможность «возделывать у себя нужные ей хлеб и овощи и производить... большую часть предметов, которые она потребляет. Это разнообразие – лучший залог развития промышленности посредством взаимодействия различных ее отраслей, залог развития и распространения технических знаний и вообще движения вперед»[1092].

Речь, разумеется, шла не о создании полностью замкнутых микрообщин и не об абсолютной автаркии в хозяйстве. Преобразования предполагалось начать на уровне региона, обладающего промышленным и сельскохозяйственным потенциалом, – «в довольно большой промышленной и земледельческой области, захватывающей и город, и деревню, а отнюдь не в одном только городе»[1093]. Опора в первую очередь на собственные резервы и ресурсы позволила бы сэкономить энергию, природные запасы и человеческие силы.

«Мы, конечно, не хотим этим сказать, что нужно устранить всякий обмен и что каждая местность должна стараться производить все, и именно то, что при данных условиях ее климата может расти только благодаря более или менее искусственной культуре, – подчеркивал мыслитель-анархист. – Мы хотим только показать, что теория обмена в том виде, в каком она проповедуется теперь, сильно преувеличена и что многие из ныне совершающихся "обменов" бесполезны и даже вредны»[1094].

Такая самоуправляющаяся область не могла бы, как считал Кропоткин, полностью производить все необходимое и стала бы в этих случаях вступать в отношения с другими регионами и федерациями, координируя с ними свою деятельность «снизу», через систему федерации территориальных общин и профессионально-производственных союзов – то есть на основе суммирования потребностей и статистического учета. При этом допускалось расширение импорта изделий, не производимых на месте, обмен которых является

необходимостью. Особенно предполагалось расширить обмен в области изобретений, искусства и науки[1095].

Таким образом, на место специализированного и централизованного производства встало бы максимально возможное региональное самообеспечение на основе интеграции труда и диверсификации, отраслевого разнообразия хозяйства. Модель новой индустрии и сельского хозяйства, по Кропоткину, представляла бы собой сеть автономных производственных комплексов, соединяющих все необходимые отрасли и ориентированных в первую очередь на самообеспечение предприятия, затем – на удовлетворение потребностей населения конкретного региона, затем – других регионов и лишь в последнюю очередь – на экспорт. Примерно те же предложения выдвигаются в рамках современных концепций экорегиональной экономики.

Предлагаемая Кропоткиным система экономических отношений была далека как от рыночной системы, так и от модели централизованного планирования из единого центра. Это было своего рода децентрализованное планирование, основанное на прямой демократии и системе удовлетворения «заказов», поступающих снизу, непосредственно от потребителей. Анархист полагал, что ни рынок, ни административно-бюрократическое управление не позволяют переориентировать производство непосредственно на удовлетворение нужд конкретных потребителей, сэкономить человеческие силы и ресурсы. Он считал необходимым «перестать производить для неизвестных покупателей»[1096] и обратиться «к потребностям и вкусам» конкретных потребителей[1097].

В центре его интересов оказывались методы и способы выявления потребностей и потребительских нужд, которые затем и должны были, по его мысли, ориентировать развитие производства. По существу, Кропоткин предвосхитил соответствующие представления, сложившиеся в конце XX века в рамках концепций «альтернативной экономики». Сначала предполагалось осуществить «изучение потребностей человечества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной потерей человеческих сил»[1098]. Когда люди установят свои потребности и определят пути их удовлетворения, они смогут приступить к тому, чтобы «согласовать единичные усилия людей и направлять их к общей цели – удовлетворению нужд всех членов общества, – а не предоставлять удовлетворение этих нужд всем случайностям разрозненного производства»[1099].

В основу механизмов выявления и удовлетворения потребностей, а следовательно, и регулирования производства Кропоткин предлагал положить принципы всеобщего самоуправления. Эта функция возлагалась им на городские и сельские территориальные союзы граждан (свободные коммуны), а также на многочисленные свободные отраслевые союзы граждан (от экономических до культурных и досуговых), имеющие возможность формироваться в различные сети и объединения. Само единство общества в этой ситуации неизбежно ставится в зависимость от участия человека во множестве различных сетей-федераций. Социально-экономическому устройству общества предстояло приобрести очертания, близкие сетевому, освободившись от четкой привязки к территории и превратившись во внутритерриториальные, параллельно существующие организации по симпатиям и интересам. «Социальная Революция, – настаивал Кропоткин, – организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут

миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью "равных" всех индивидуумов, рассеянных по различным концам земного шара»[1100].

* * *

В работах «Речи бунтовщика» и «Хлеб и Воля» Кропоткин представляет систему, в которой решения принимаются снизу, в общинах, и согласовываются представителями на конференциях на основе инструкций избирателей. Деловая направленность мероприятия, привязанная к конкретным проблемам производства и потребления, по мнению Петра Алексеевича, обеспечила бы быстрое принятие и согласование решений.

«Сто – двести человек, встречающиеся ежедневно на общей работе и хорошо знающие друг друга, обсудили со всех сторон какой-нибудь вопрос и пришли к вполне определенному заключению; тогда они выбирают кого-нибудь из своей среды и посылают его для переговоров по этому делу с другими делегатами. Таким образом выборы происходят вполне сознательно; каждый имеет ясное представление о том, что он может поручить своему делегату, – доказывал Кропоткин. – Да и этот последний должен будет только передавать другим делегатам те соображения, которые привели его доверителей к данному заключению. Не будучи уполномоченным решить дела своею властью, он будет стремиться прийти к какому-нибудь соглашению с другими делегатами; их предложения он передаст своим доверителям, которые по своему усмотрению могут принять их или нет»[1101].

Такая форма координации экономики приблизит управление к потребностям регионов, к непосредственным запросам населения, поможет учесть многочисленные природные и социальные условия. Согласовательный характер совещательных структур, в отличие от директивно-управленческого, может способствовать сглаживанию противоречий, переносу инициативы и ответственности за решения вниз, непосредственно к коллективам производителей и потребителей.

Переориентация экономики на нужды потребителей, когда производиться будет именно то, что необходимо конкретным людям-потребителям, – причем определять, что именно, должны будут не чиновники, а сами заинтересованные люди, и непосредственно, а не через посредство отчужденных механизмов рынка, – должна была, по мысли Кропоткина, позволить отказаться от таких явлений, как купля, продажа, деньги, и перейти к коммунистическому распределению по потребностям. Каждый человек, чей труд на общее благо признан, должен будет пользоваться равным со всеми остальными правом на удовлетворение своих индивидуальных потребностей, то есть равным доступом как к средствам производства, так и к произведенным общественным благам, равным правом пользоваться ими. В конце концов, разные способности и разная производительность – это не вина и не заслуга конкретного человека: таким уж тот уродился. Права на жизнь одни для всех! В этом Петр Алексеевич был убежден.

В свободном обществе все должно принадлежать всем сообща, институт собственности как таковой исчезнет. И в то же время Кропоткин категорически возражал против

«усреднения», против «казарменного коммунизма», когда все члены общества делают одно и то же, потребляют одно и то же и вообще неотличимы друг от друга, одинаково серые, как мыши, или нерассуждающе-исполнительные, как муравьи. «Мы вовсе не хотим складывать в кучу все пальто, чтобы потом распределять их... – писал он. – Мы хотим устроить так, чтобы каждому родящемуся на свет человеческому существу было обеспечено, во-первых, то, что оно выучится какому-нибудь производительному труду и приобретет в нем навык, а во-вторых, то, что оно сможет заниматься этим трудом, не спрашивая на то разрешения у какого-нибудь собственника или хозяина и не отдавая львиной доли всего своего труда людям, захватившим землю и машины»[1102]. В новой системе «довольства для всех» будут уважаться индивидуальные нужды и различия каждого человека, хотя, разумеется, придется установить известную верхнюю границу потребления. Она и будет определяться производственными возможностями общества: «пусть каждый берет сколько угодно всего, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить!»[1103]

Подобным же образом, как и социально-экономические вопросы, в новом обществе анархистского коммунизма должны были, по мысли Кропоткина, решаться и все остальные. Все действия, требующие совместных усилий в той или иной сфере, подлежали автономному согласованию и координации между самими заинтересованными людьми. Причем именно на том уровне, на каком это необходимо, – и не более того. Анархистам была чужда мысль о создании централизованного органа управления, который разрешал бы все проблемы, вплоть до деятельности каждого отдельного члена общества. Самоуправление, автономия, децентрализация, солидарность и взаимопомощь – таковы были основные черты общественной модели, которую обосновывал Петр Алексеевич.

* * *

Путем к свободному устройству жизни Кропоткин считал социальную революцию: не политический переворот, с захватом государственной власти и установлением «временного революционного» режима, с последующим длительным переходным периодом преобразования «старого» в «новое», а экспроприацию собственности и управления объединенными трудящимися. Власть человека над человеком будет уничтожена вместе с правом собственности, каковое есть в действительности узурпация отдельными людьми того, что создано всеми и по праву должно принадлежать всем. Такая революция может начаться в отдельных коммунах и станет затем постепенно распространяться на весь мир. «В день торжества социальной революции, – писал Кропоткин, – когда правители будут изгнаны и буржуазия, поддерживаемая ныне государством, потеряет свою силу, – восставший народ не провозгласит уже нового правительства и не будет ждать, чтобы оно со свойственной ему мудростью объявило экономические реформы. Он уничтожит частную собственность насильственной экспроприацией и завладеет, во имя народа, всеми общественными богатствами»[1104], а затем станет трудиться сообща ради своего собственного блага. «Когда наступят дни восстания... – продолжал Петр Алексеевич, – когда целые области, когда большие города с их пригородами освободятся от правителей, мы, следуя начертанной нами программе, приступим к делу: орудия производства перейдут целиком в собственность коммуны, общественное достояние, захваченное частными

лицами, будет возвращено своему законному владельцу народу, – тогда каждый будет получать свою долю, мануфактура и производство будут свободно вырабатывать все необходимое, и общественная жизнь потечет с новой энергией по новому руслу»[1105].

Однако с концепцией революции у Кропоткина все оказывалось не так просто! С одной стороны, он, подобно Элизе Реклю и другим товарищам-анархистам, был убежден, что революция и эволюция не противостоят друг другу, но дополняют друг друга. Не зря Реклю сравнивал эволюцию с текущей рекой, а революцию – с прорывом рекой преграды, искусственно заграждающей путь течению. Он утверждал, что революция, служа продолжением и завершением эволюции, бурно и стремительно освобождает дорогу тому, что уже сформировалось, подготовлено предыдущим ходом жизни, ее тенденциями и течением. Петр Алексеевич во многом соглашался с таким подходом. Эволюция – это медленно поднимающаяся линия прогресса. В некий момент она делает резкий, стремительный скачок вверх – это и есть революция, которая быстро уничтожает старые, отжившие учреждения и институты, сопровождаясь стремительным распадом и разложением основ общественной, религиозной, политической и экономической жизни, полным переворотом в понятиях и мнениях, становлением новых представлений о равенстве и отношениях между людьми. В своем скачке революции поднимаются на предельную высоту, но до сих пор ни одной из них не удавалось на ней удержаться – следовал откат, реакция, но достигнутое оказывалось достаточным, чтобы определить ход истории на ближайший век[1106].

Однако люди совершают революцию не от отчаяния, а от надежды на новую, более свободную жизнь – этим она и отличается от простого бунта. И надежда эта не падает с неба и не является простой выдумкой немногих мыслителей. Она вытекает из тенденций, уже развившихся в ходе предшествующей медленной эволюции. Кропоткин видел в развитии самоорганизации и свободной инициативы людей и их объединений «отличительную черту второй половины XIX века», утверждая, что «трудно найти хоть одну из многочисленных и разнообразных отраслей человеческой деятельности, которая не имела бы своим представителем свободного общества, организованного на добровольном соглашении; их число растет с каждым днем, завоевывая все более и более обширное поле деятельности вплоть до тех отраслей, которые раньше состояли исключительно в ведении самого государства»[1107].

Отсюда вытекало и страстное стремление Петра Алексеевича обнаружить черты, проявления нового в рамках старого – проявления, которые следовало защищать, поддерживать и поощрять. Увы, с возрастом это стремление усиливалось в нем до размеров, мешавших правильно оценивать увиденное и внушавших ему соблазн идеализировать происходящее. Он все больше склонялся к тому, чтобы видеть тягу к свободе и социальной справедливости даже там, где ее вовсе не было!

Но, как бы ни верил Кропоткин в то, что великая тенденция к взаимопомощи и солидарности пробивает себе дорогу уже в рамках существующего общества, он никогда не разделял представлений многих социал-демократов о торжестве прогрессивного начала и социализма в результате действия «объективно необходимых» законов, не зависящих от воли самих действующих и борющихся людей. Он всегда подчеркивал – и никогда не

отказывался от этого утверждения, – что к моменту совершения революции народ должен быть готов к ней и хорошо представлять себе, что и как нужно сделать. Иначе, говорил Петр Алексеевич, революция погибнет: установится власть нового правящего слоя, который как раз будет обладать четким представлением о дальнейших шагах и мерах. Именно так, утверждал он, происходило в буржуазных революциях: буржуазия хорошо знала, чего она хотела, и в результате присвоила плоды борьбы народа, который бунтовал и восставал против старого порядка, но отдал в чужие руки дело построения нового. Такого развития событий следовало во что бы то ни стало избежать в будущем. Именно для этого нужны анархисты, нужна их целенаправленная идейная работа. «И если мы хотим, чтобы в день разгрома народ единодушно выставил наше требование, мы должны непрерывно распространять свои идеи и ясно выставить свой идеал будущего общества»[1108]. Хотя бы в самых общих чертах!

* * *

Кропоткин ясно понимал, что такое осознание большинством населения задач и направленности собственных действий не возникает молниеносно, как по мановению волшебной палочки. Наивно полагать, доказывал он, что достаточно простого яркого и громкого акта, чтобы «разбудить» спящий народ. Отсюда, в частности, вытекало и его скептическое, критическое отношение к тактике покушений, которыми увлекались некоторые анархисты в 1880-х и 1890-х годах. «Не люблю я этих взрывов, – писал он 30 ноября 1892 года Атабекяну, – и всегда говорю: „пуля дура, а штык молодец, а взрывчатое вещество и того дурее“»[1109].

Голый индивидуализм, настроения в духе ницшеанского «сверхчеловека» только оттолкнул от революционеров основную массу людей. Петр Алексеевич готов был понять мотивы, которые толкали отчаявшихся бедняков на покушения против представителей власти, знати и богачей, но не считал их ни правильными, ни даже полезными. И даже понимая это отчаяние, Кропоткин сочувствовал жертвам таких нападений, как, скажем, австрийской императрице Елизавете, убитой в 1898 году итальянским анархистом Луиджи Лукени. «Нанести смертельный удар в сердце женщины только за то, что это сердце никогда не билось за страдающее человечество, – конечно, это ужасно! – писал Петр Алексеевич датскому литератору Георгу Брандесу. – Но до тех пор, пока будут такие избиения, какие происходили недавно в Италии; пока людей будут учить презрению к человеческой жизни; и пока им будут говорить, что убивать хорошо ради того, что ими считается благом для всего человечества, – будут новые и новые жертвы, если бы даже правители гильотинировали всех тех, кто становится на сторону бедных, кто изучает психологию бедноты и имеет мужество открыто высказывать то, чему их учит эта психология»[1110].

Кропоткин мог сочувствовать уничтожению самых жестоких угнетателей народа, карателей, тех, кого он считал руководителями репрессий, – и потому позитивно отзывался, например, о покушениях анархистов Санте Казерио (1873–1894) на президента Франции Сади Карнов в 1894 году или Микеле Анджелильо (1871–1897) на премьер-министра Испании Антонио Кановаса в 1897 году. Главное для Кропоткина одно: «...не хочу допустить, чтобы человека убивали из-за "общественной пользы". Я вижу в этих акциях проявление

возмущенной человеческой совести, которая привыкла искать выходов в мести, в наказании и тут идет по тому же пути»[1111]. Человека оправдывает голос совести, а не идеология, считал он. Понимания и оправдания достойны возмущение и аффект, но не холодный расчет профессионального политика. Но, даже если такие акты мести способствуют подъему революционного духа, они не могут привести к революции, подчеркивал он в статьях начала 1890-х годов. «Мы должны быть с народом, который теперь требует не изолированного акта, а людей действия в своих рядах», – писал Кропоткин в *La Révolte* 18 октября 1890 года. А выступая в 1893 году с лекцией об анархизме в лондонском Графтон-холле, он напомнил, что анархисты – вовсе не сторонники насилия как такового, но, напротив, стремились бы в идеале вообще обойтись без него: «Из всех партий я сейчас вижу лишь одну партию – анархистскую, – которая уважает человеческую жизнь и громко настаивает на отмене смертной казни, тюремной пытки и вообще наказания человека человеком. Все прочие партии ежедневно учат крайнему неуважению к человеческой жизни»[1112].

При этом уже тогда в его отношении к покушениям, которые совершали те или иные анархисты, появилось известное правило – не критиковать публично участников этих акций. Как вспоминал Яновский, Кропоткин полагал, что каждый из этих актов «не был делом отдельного лица; что позади всякого действия, вероятно, должна быть целая группа людей и что поэтому мы никогда не можем сказать, что эти люди, стоящие в центре битвы, не знают, что они делают»[1113].

Однако не только индивидуальные акты, но и абстрактная пропаганда анархистских идей не способна привести к формированию анархистских убеждений у большинства населения. Да, анархисты должны сейчас работать как революционное меньшинство, но их ценности и цели должны к моменту социальной революции стать достоянием большинства. Для этого недостаточно просто «просвещать массы». Собственно говоря, идея просвещения «темного народа» извне мудрыми и строгими воспитателями – идея глубоко якобинская, как считал Кропоткин, – была ему глубоко отвратительна. Народ должен был прийти до нового сознания не благодаря «внесению» сознания в его ряды, а сам, непосредственно, в ходе собственной борьбы за свои интересы и нужды, – в первую очередь социально-экономические.

Петр Алексеевич всегда отстаивал необходимость участия анархистов в рабочем движении и в профессиональных объединениях трудящихся, которые и открывали поле для такой массовой борьбы. С этим, в его представлении, была самым неразрывным образом связана идея восстановления Интернационала, состоящего из рабочих организаций, сочувствующих анархистам. В 1907 году Кропоткин вспоминал, что в издававшейся им газете *Le Révolté* было опубликовано «верных десятка 2 статей о необход[имости] работы в рабочих организациях». На встрече с ним в Детройте в 1897 году немецко-американский анархист Йоганн Мост заявил российскому товарищу: «Когда вы начали кампанию в пользу работы в тред-юнионах, я был сперва очень против. Но потом понял, что вы правы, и тоже веду теперь». Первоначально немногие соратники поддерживали эту идею. «Было время, – свидетельствовал Петр Алексеевич, – когда я вел эту кампанию против всех, не говоря уже о Граве, Мал[атесте] и др[угих]. А начал я ее, по правде, еще с *Bulletin* («Бюллетеня Юрской федерации». – Авт.), где вечно писал о *trade unions*, с кот[орыми] вел уже тогда разговоры»[1114].

Кропоткин агитировал за укрепление профсоюзов и включение анархистов в их работу. В 1900 году в газете Freedom он призывал к созыву всеобщего «конвента труда», а в 1901-м – к созданию «международной федерации всех профсоюзов всей Земли». Большие надежды вызвали у него радикальная забастовка барселонских металлистов в 1902 году и наметившийся подъем забастовочного движения в Европе. Эти события побудили Кропоткина предложить создание «Международного союза труда». Его идея озвучена испанским анархистом Ансельмо Лоренсо (1841–1914) в газете Tierra y Libertad[1115] 13 сентября 1902 года. Был поставлен вопрос об организации рабочего Интернационала, который должен был в общем виде выступать за социалистические цели и социализацию экономики, самоосвобождение трудящихся, готовить забастовки, вести борьбу против женского и детского труда, способствовать развитию кооперации, а в будущем – разрабатывать планы социалистической экспроприации производства. При составлении более детальной программы следовало принять во внимание, чем новое международное объединение будет отличаться от прежнего Интернационала. Интересно, что в двух последующих номерах газеты ее издатель, Федерико Уралес (1864–1942), отверг это предложение, показавшееся ему упрощенным и обращенным в прошлое.

Ратуя за работу анархистов в рабочих профессиональных объединениях, Кропоткин имел в виду не только тактические соображения. Дело было не просто в расширении влияния на трудящееся население. Напомним, что в его представлениях о будущем анархо-коммунистическом обществе профессиональные и производственные объединения работников занимали важное место. В принципе, он считал, что в основе социальной организации свободного мира должны будут лежать самоуправляющиеся и ориентированные на самообеспечение вольные коммун, которые затем станут объединяться снизу в федерации. Тем не менее важно было дополнить эти сообщества союзами и ассоциациями иного рода, в том числе и свободными ассоциациями производителей. Еще в антиавторитарном крыле Первого Интернационала существовала убежденность в том, что на эти производственные ассоциации лягут задачи технического управления производством и его координации и что прообразом и основой этих будущих ассоциаций могут стать рабочие союзы и общества сопротивления (профсоюзы), возникающие для ведения трудящимися экономической стачечной борьбы еще в условиях капитализма. Именно на этих представлениях выросло в конце XIX – начале XX века анархистское рабочее движение Испании, пережившее распад Первого Интернационала. Позднее на базе этих же взглядов стало формироваться революционно-синдикалистское движение – радикальные, федералистски организованные профсоюзы (по-французски – syndicats), объявившие о своей независимости от политических партий и ориентированные на бескомпромиссную социально-экономическую борьбу с капиталом.

Петр Алексеевич всегда выступал за то, чтобы анархисты включались в рабочее движение и защищали его независимость от политических партий и их своекорыстной борьбы за власть. Даже тогда, когда едва ли не большинство его товарищей увлеклись индивидуальными актами бунта и покушениями, надеясь пробудить Великого Спящего – народ. Кропоткина можно по праву считать одним из «отцов» революционного синдикализма, хотя ему так и не пришлось состоять ни в одном профсоюзе.

Рабочие профсоюзы, по мысли Кропоткина, должны были стать организационной основой возрожденного антиавторитарного Первого Интернационала. Свое видение этого процесса Кропоткин изложил в письме французскому анархисту Жану Граву от 3 июля 1902 года. Не стоит опасаться, будто развитие синдикализма, то есть профсоюзного движения, повредит анархистскому движению во Франции, убеждал он Грва. «Конечно, если наша партия – единственная, оставшаяся революционной – целиком отдастся мирному синдикалистскому движению, ее существование потеряет смысл, – писал Петр Алексеевич. – Когда я поощрял работу в синдикатах и доказывал ее необходимость, то верил в существование **революционного ядра** которое видело бы в синдикатах **вспомогательное** движение, а не главную цель». Конечно, нельзя, как делают некоторые, воспринимать этот фактор как «главную и единственную цель пропаганды». Однако, продолжал он, «я думаю, что только международное рабочее движение могло бы снова зажечь умы и образовать революционное социалистическое (я хочу сказать, коммунистическое) течение. Только новый Интернационал – под каким угодно названием, но очаг социализма и революции – мог бы снова дать жизнь». Ведь будущая «европейская революционная партия» возможна не «в форме бланкистского заговора», но лишь в форме «большого рабочего движения».

Кропоткин предлагал, опираясь на симпатии к анархистам в рабочих массах Испании и Франции, созвать международный рабочий конгресс. Новый «интернациональный рабочий альянс» должен был быть создан, по его мысли, «целиком вне социал-демократизма». Российский анархист рекомендовал не начинать с объявления открытой войны социал-демократии и их парламентской стратегии, а работать так, как если бы речь шла о ее подкреплении с помощью внепарламентского рабочего действия, с тем чтобы «высоко поставить социалистические требования, которые, по необходимости, должны быть интернациональными». При этом внутри массового революционного рабочего Интернационала следовало бы образовать «ядро» из убежденных стойких анархистов. Нечто подобное предлагал еще в конце 1860-х – начале 1870-х годов Михаил Бакунин: созданный им в 1869 году «Альянс социалистической демократии» помогал, например, организовать секции Первого Интернационала в Испании, и его члены продолжали работать в этих секциях, стараясь придать импульс рабочей борьбе и отстоять движение от влияния различных политических группировок, включая марксистов. «Мы создаем эту (широкую. – Авт.) организацию с намерением вести прямую борьбу, антикапиталистическую борьбу рабочих против хозяев. И, конечно, внутри этого нового интернационального альянса надо создать более тесный союз знающих друг друга людей», – предлагал Кропоткин. «Под Интернационалом, – настаивал он, – я подразумеваю нечто великое, производящее впечатление на широкую публику своими конгрессами и включающее революционеров, объединенных между собой и оставшихся коммунистами»[1116].

По существу, Кропоткин разрабатывал следующую стратегию: анархистам следовало активно помогать мировому сплочению профсоюзов, а затем, опираясь на собственную организацию, придать им революционный характер, вытеснив социал-демократию, и через них совершить социальную революцию.

Неудивительно, что Кропоткин проявил огромный интерес к французскому революционному синдикализму. Созданное в 1902 году массовое французское профсоюзное объединение Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) провозгласило идейный «нейтралитет» в борьбе

различных социалистических течений, но при этом высказалось за непримиримое классовое противостояние капиталу «на экономической почве», прямое действие самих трудящихся и одновременную борьбу за повседневное улучшение положения наемных работников и подготовку к всеобщей забастовке и социалистической революции, после которой профсоюзы (синдикаты) должны были превратиться из органов сопротивления в органы администрации нового свободного общества. К 1912 году в объединении состояли шестьсот тысяч из одного миллиона организованных работников Франции[1117]. Активное участие в работе ВКТ приняли французские анархисты, сумевшие в тот период добиться существенного влияния во многих ключевых профсоюзах и органах Конфедерации. Так, Федерацию «бирж труда», вошедшую в состав ВКТ, возглавляли Фернан Пеллутье (1867–1901), Жорж Ивето (1868–1942) и Поль Делессаль (1870–1948). Эмиль Пуже (1860–1931) был в 1901–1918 годах заместителем секретаря ВКТ и автором ее программной «Амьенской хартии». Шарль Дельзан (1874–1943) возглавлял с 1902 года федерацию работников стекольной промышленности.

В первое десятилетие XX века Петру Алексеевичу удалось увидеть торжество его идей о массовом независимом рабочем движении, которое освобождалось от влияния политических партий и открывало простор для деятельности анархистов. Под влиянием примера испанского анархизма с его прямыми традициями Первого Интернационала или под воздействием французского революционного синдикализма эта волна покатила по многим странам мира, вызывая гнев и страх у социал-демократических вождей и связанных с ними профсоюзных боссов. Синдикалистские профсоюзные федерации появились одна за другой в Нидерландах, Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Бельгии, Португалии, Италии, Австро-Венгрии. Они объединяли в общей сложности сотни тысяч рабочих. В Испании рабочему движению после ряда кризисных лет удалось преодолеть центробежные тенденции и застой и в 1910 году оформиться в Национальную конфедерацию труда. В США еще в 1905 году радикальные социалисты и анархисты учредили свое профобъединение – «Индустриальные рабочие мира», знаменитые ИРМ. Их примером вдохновлялись и радикальные тред-юнионы Британии.

Все эти и многие отдельно действовавшие профсоюзы, разумеется, еще не были «чисто» анархистскими. Но все они провозглашали «нейтралитет» по отношению к партийной политике и с радостью принимали анархистов, в том числе на самые ответственные посты. А в Южной Америке дело зашло еще дальше: крупнейшее профсоюзное объединение страны, Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА), в которой состояли двести тысяч членов, всего через четыре года после создания, в 1905 году официально признало своей идейной основой анархистский коммунизм. Влияние ФОРА, как образца для подражания, быстро распространилось и на соседние страны – Уругвай, Бразилию.

В отличие от умеренных, осторожных и подчас весьма робких профсоюзов социал-демократии, революционно-синдикалистские профсоюзы, анархистские рабочие объединения и ИРМ решительно вступали в бой с хозяевами и государством – еще непугаными и оттого ни на секунду не колебавшимися отдать приказ открыть огонь по бастующим или манифестантам. Разгоны митингов и собраний рабочих были почти правилом. Кровь лилась почти при каждом серьезном конфликте между предпринимателями и теми, кто вынужден был продавать им свои рабочие руки.

И положение, напоминающее перманентную гражданскую войну, никого тогда не удивляло. Французская ВКТ не только проводила многочисленные забастовки, но и организовала кампании против милитаризма и колониальной политики. А с мая 1905 года синдикалисты Франции развернули массированную агитацию за то, чтобы с 1 мая следующего года трудящиеся начали явочным порядком работать не более восьми часов в день. По всей стране распространялись плакаты и листовки, вывешивались лозунги, проводились собрания и доклады. На многих фабриках появлялись надписи: «Еще 70 дней – и мы будем свободны»; «Еще 67 дней – и наступит освобождение». Буржуазию охватил «большой страх». Власти арестовали лидеров ВКТ, ввели войска в города. За неделю до намеченного дня во многих отраслях вспыхнули стачки за восьмичасовой рабочий день. Наконец 1 мая 1906 года страну захлестнула всеобщая забастовка. В одном только Париже работу бросили до двухсот тысяч человек. Уличные и баррикадные бои, полная остановка экономической жизни во многих населенных пунктах и промышленных центрах и многомесячная волна арьергардных стачек вырвали у властей ряд уступок: сокращение рабочего времени и повышение зарплаты на отдельных предприятиях, законодательное введение еженедельного выходного дня и сокращенного дня по субботам, снижение интенсивности труда в строительстве. Но конфликты продолжались. Правительство неоднократно посылало войска против участников забастовок, солдаты открывали огонь по рабочим; вспыхивали уличные бои.

В Италии революционные синдикалисты возглавляли крупные выступления батраков в Пулии, металлургов в Турине и Генуе, забастовки против итальянской интервенции в Африке, стачку сталелитейщиков в Пьембино и на острове Эльба, всеобщие забастовки работников мраморной промышленности и миланских металлургов, выступления строителей, моряков, батраков и железнодорожников, всеобщую стачку солидарности с рабочими-мебельщиками. В июне 1914 года антимилитаристские выступления переросли в восстание («красную неделю»), прежде всего в Марке (Анконе) и Эмилии-Романье.

Испанские анархисты и синдикалисты, едва оправившись от кровавого подавления всеобщей забастовки 1909 года, когда рабочие Барселоны в ходе баррикадных боев пытались заставить правительство прекратить колониальную авантюру в Марокко, уже организовали крупные стачки в Мадриде, Бильбао, Севилье, Хересе-де-ла-Фронтера, Малаге, Таррасе и всеобщую забастовку в Сарагосе. Кульминацией рабочей борьбы в стране перед Первой мировой войной стали новая революционная стачка против войны в Марокко осенью 1911 года, забастовка ста тысяч текстильщиков и наконец всеобщая стачка в Валенсии в марте 1914 года.

Волны стачек сотрясали Португалию. Они носили радикальный, бунтарский характер, сопровождаясь столкновениями с войсками и полицией, актами саботажа. В 1912 году в знак солидарности с выступлением двадцати тысяч сельскохозяйственных рабочих Эворы синдикалисты объявили всеобщую забастовку. Рабочие вооружались, Лиссабон фактически оказался в руках трудящихся. Только политика реформистских профсоюзов в итоге помогла подавить движение.

За океаном американские ИРМ организовали, пожалуй, наиболее ожесточенные и радикальные рабочие стачки в истории страны. Бастовали рабочие всех отраслей в

Голдфилде (Невада). Остановилась лесопильная промышленность в Портленде (Орегон). Текстильщики на протяжении долгих месяцев бросали вызов хозяевам в Скоухегене (Мэн) и Лоуренсе (Массачусетс) (1912), металлисты – в Мак-Кис-Роксе (Пенсильвания). И снова, как повсюду, – разгоны, расстрелы, кровь, террор против людей труда[1118].

А за океаном, в Аргентине, между ФОРА и правительством и впрямь разгоралась настоящая война. Мощные забастовки следовали одна за другой – за восьмичасовой рабочий день, свободу профсоюзной деятельности, повышение зарплаты. Стачки частичные и всеобщие, многодневные. В 1907 году ФОРА устроила даже общую забастовку квартиросъемщиков! Полиция расстреливала бастующих и демонстрантов, власти бросали в тюрьмы и высылали активистов, работники отвечали уличными и баррикадными боями. В те годы анархизм безоговорочно преобладал в рабочем движении страны.

Кропоткин приветствовал мощный подъем революционного синдикалистского движения в мире. Конечно, Петр Алексеевич был далек от примитивного «стачкизма», прекрасно понимая, что забастовки могут принести частичные успехи и улучшения, но дело-то вовсе не в них. Эти успехи – не самоцель. Но они дают возможность укрепить чувство солидарности между людьми труда, могут внушить им уверенность в свои силы и, главное, – в возможность самим управлять и своей борьбой, и производством, и – в конечном счете – всем обществом. Не мог не радовать старого революционера и бурный рост синдикализма в годы перед Первой мировой войной в стране, где он нашел убежище, – в Британии. Всеобщая забастовка моряков 1911 года, впервые вызвавшая настоящее международное движение солидарности, миллионная стачка шахтеров весной 1912 года – эти выступления превзошли все, что знал тогдашний мир классовых конфликтов. Борьба британских моряков была поддержана коллегами в Бельгии, Голландии и США, докерами, а также другими категориями британских транспортников. Рабочие из других стран безвозмездно принимали у себя детей забастовщиков из-за Ла-Манша. В глазах Петра Алексеевича, как и многих синдикалистов, в этой альтруистической взаимопомощи уже проглядывал зародыш будущего вольного коммунизма.

Подобно многим другим анархистам, таким как Луиджи Фаббри (1877–1935), Марк Пьерро (1871–1950) или Мария Гольдсмит, Кропоткин усматривал преемственность между бакунинским, антиавторитарным крылом Первого Интернационала и революционным синдикализмом. На эту тему он высказывался и писал неоднократно. «Оба главных принципа современного синдикализма, прямое действие и тщательная выработка новых форм жизни общества, основаны на рабочих союзах: оба эти принципа были вначале ведущими принципами Международного Товарищества Рабочих... Для нас, анархистов, это движение не ново, – писал Петр Алексеевич в работе "Синдикализм и анархизм". – Мы приветствовали его, когда были сформулированы его тенденции в программе Международного Товарищества Рабочих. Мы защищали его, когда в Интернационале на него нападали немецкие политические революционеры, увидевшие в этом движении препятствие на пути к завоеванию политической власти. Мы советовали рабочим всех наций действовать так, как сделали испанцы, державшие свои профсоюзные организации в тесной связи с секциями Интернационала. С этого времени мы с глубокой симпатией следили за всеми фазами рабочего движения, и мы знаем, какими будут столкновения между трудом и капиталом в ближайшем будущем, это будет синдикалистское движение... Это

единственное движение, способное указать мыслящим людям путь из того тупика, в который их загнало современное развитие капитализма нашего поколения»[1119].

С одной стороны, Кропоткин связывал распространение синдикалистских представлений в рабочем движении (внепарламентского прямого действия, всеобщей стачки, экспроприации экономики рабочими союзами и др.) с неустанной многолетней работой анархистов, которые «на протяжении этого времени были заняты тем, что пробуждали среди трудящихся масс стремление выработать принципы, по которым рабочие союзы должны взять в свои руки доки, железные дороги, рудники, фабрики, поля и магазины с той целью, чтобы впредь они производили уже не в интересах небольшого меньшинства капиталистов, а в интересах всего общества». В упорной борьбе анархистам и антиавторитарно настроенным рабочим удалось победить сторонников парламентского действия. Но в то же самое время он подчеркивал, что анархистские тактика и взгляды на роль профсоюзов в реорганизации общества не были «даны» синдикалистскому движению анархистами: они продиктованы самой жизнью, «живут в домах рабочих всего мира», найдены и сформулированы ими самими[1120].

Какую роль должны были играть анархисты в рабочих профсоюзах и синдикалистском движении в целом? В 1906–1907 годах вокруг этого вопроса разгорелись ожесточенные дискуссии в анархистской среде. Они достигли своей кульминации на Международном анархистском конгрессе 1907 года в Амстердаме.

Энтузиазм в связи с ростом и распространением революционного синдикализма не мешал Кропоткину видеть его слабости и пытаться в ходе дискуссии помочь устранить их. Российские анархисты-эмигранты внимательно следили за деятельностью французских революционных синдикалистов и посвятили его обсуждению и анализу немало статей. Комментируя статью участника русской анархистской группы «Хлеб и Воля» Георгия Ильича Гогелия (1878–1924), Петр Алексеевич в 1907 году писал анархистке Лидии Иконниковой: «Статья очень хорошая – именно это нужно... Пусть только он где-нибудь скажет, что мы отлично видим недостатки во французских синдикатах и с ними уже борются, – но синдикат дает и средство борьбы, прямое, – когда люди, имеющие что сказать, находятся в самом движении, в синдикатах, и лично знакомы рабочим, а потому ими пользуются. Это – чтобы нас не винули в ослеплении»[1121].

Как и другие анархисты, Кропоткин видел тенденции к формированию бюрократического аппарата в ВКТ, идейную неоднородность среди участников революционно-синдикалистских организаций, опасность утраты влияния их революционного крыла и превращению в обычные профсоюзы, занимающиеся только вопросами роста зарплаты и улучшения условий труда. Предотвратить это можно было только путем децентрализации процесса принятия решений в ВКТ, самого активного участия ее низовых организаций в управлении и распространения анархо-коммунистических идей среди ее активистов.

Связь Кропоткина с анархо-синдикализмом была так сильна, что ее отмечали многие российские анархисты, считавшие его едва ли не основным пропагандистом этого нового течения. И здесь очень точную характеристику дает Книжник-Ветров: «П[етр] А[лексеевич] содействовал тому, что к анархо-синдикализму обратились почти все здоровые группы в

русском и европейском анархизме»[1122].

Важную роль в этом процессе должна была сыграть дискуссия о целях и задачах борьбы и о контурах будущего общества. В 1911 году Кропоткин написал предисловие к книге членов ВКТ Эмиля Пато (1869–1935) и Эмиля Пуже «Как мы совершим революцию», в которой намечалась линия социальных преобразований и свободного общественного устройства, как его представляли себе в кругах французского синдикалистского движения. Это произведение многие восприняли как неофициальное программное изложение взглядов, задач и целей революционного синдикализма. Книга написана как фантастический роман, социальная утопия. Ее сюжет посвящен будущей революции во Франции. В ходе всеобщей стачки контроль над экономикой и управлением общественными делами полностью переходит в руки «синдикатов» – профсоюзов и их объединения ВКТ. Вместо государства и системы частной собственности утверждается новая общественная система – синдикальный строй. Профсоюзы управляют производством, местные дела находятся в распоряжении коммун. Верховным органом, решающим общенациональные вопросы, становится именно конгресс синдикатов, который избирает Комитет синдикальной Конфедерации. Охрана страны и общественного порядка также осуществляется соединениями, образованными профсоюзами и их федерациями.

Пато и Пуже рассказали о том, как революционная Франция разгромит интервентов – армии европейских государств, которые вторгнутся на ее территорию, чтобы восстановить прежний порядок. При этом революционеры используют самые современные, высокотехнологичные виды оружия.

Кропоткин позитивно оценивал ту «общую идею революции», которую предложили синдикалисты. «Организация, о которой они повествуют нам, – замечал Петр Алексеевич, – имеет уже то преимущество, что она не основана больше на иерархической – лестничной и чиновничьей – бюрократии, как основаны были все организации, прославлявшиеся до сих пор социалистами-государственниками. Чувствуется, наоборот, в книге Пато и Пуже живительный дух анархии в их представлении о будущем...»[1123]

В то же время Кропоткин пришел к выводу, что Пато и Пуже «платят еще довольно большую дань прошлому», то есть марксизму. Они «рисуют нам еще не анархию», и их «синдикальная утопия» не вполне последовательно разрывает с централизмом и нормами старого общества. Так, «конфедеральный съезд» синдикатов в их модели занимается вопросами, «которые будут лучше разрешаться на местах, без центральной палаты». Кропоткин критикует представления о том, что каждое «предприятие в области общественно-необходимого труда» обязано будет выполнять решения Центра (вместо того чтобы объединять и согласовывать принимаемые решения «снизу вверх», как это предполагается в анархистском федерализме). «Что касается "Конфедерального Комитета", то он слишком много заимствует у того самого правительства, которое он только что свергнул»[1124], – писал он.

«Стремление авторов к примирению» с элементами старого общества Кропоткин видел также в отступлении от коммунистического принципа организации хозяйственной жизни: от каждого по способностям, каждому по потребностям в пределах производственных

возможностей. Так, Пато и Пуже «предлагают сочетание коммунизма для всех предметов первой необходимости с книжкой "трудовых чеков", выдаваемой каждому члену общества для приобретения предметов роскоши» (сохранение после революции системы зарплаты, выдаваемой в рабочих чеках, отстаивали и тогдашние марксисты). Такой же непоследовательностью Кропоткин считает идею «экспроприировать крупные поместья и эксплуатировать их синдикатами», но при этом «сохранить и мелкие и средние земельные хозяйства, которые будут по-прежнему обрабатываться их теперешними хозяевами»[1125].

В предвоенные годы синдикалистское движение появилось в британских профсоюзах. Мощные всеобщие стачки угольщиков и транспортников перед Первой мировой войной внушали Кропоткину оптимизм. В 1913 году в Лондоне прошла международная конференция синдикалистских профсоюзов, на которой было принято решение о создании их объединения. Сам Кропоткин на ней не присутствовал, зато важная организационная работа выпала на долю его соратника Александра Моисеевича Шапиро (1882-1946).

* * *

Петр Алексеевич был убежден, что анархистам следует участвовать не только в рабочем, но и в других общественных движениях, стремясь вносить в них свою повестку дня, свои задачи и цели. В движениях за политические свободы, против национального гнета, в кооперативных движениях – повсюду он предлагал «выдвигать народные вопросы», иными словами, «ставить экономический вопрос» о борьбе с любой эксплуатацией человека человеком. «Везде мы можем сказать свое слово, внести свою идею, новую и плодотворную», – писал Кропоткин Марии Гольдсмит 11 мая 1897 года. Но в то же время он понимал, что далеко не во всех общественных движениях анархистам стоит принимать участие. Так, например, он заявлял, что в восстании, которое в тот момент поднялось на Крите против власти Османской империи, «делать нечего», поскольку «движение пошло государственное». Теоретик анархизма напоминал: «Для нас есть один предел: никогда мы не станем в ряды эксплуататоров, правящих и духовных наставников; и никогда мы не станем выбирать или назначать себе эксплуататоров, правителей, наставников... Никогда мы руки не приложим к созиданию какой бы то ни было пирамидальной организации – экономической, правительственной или учительски-религиозной (хотя бы даже революционной); никогда своими руками не будем создавать правления человека над человеком в области производства и распределения, политич[еской] организации, наставничества, револ[юционной] организации и т. п.»[1126].

Таким образом, надеялся Кропоткин, путем упорной, кропотливой работы анархистам удастся к моменту революции превратить анархистское меньшинство в большинство населения. И тогда социальный переворот пройдет по-анархически: население сплотится в вольные коммуны, возьмет в свои руки производство, распределение и все сферы жизни и начнет строить ее по-новому, на безвластных, неиерархических и вольно-коммунистических началах свободной федерации и взаимопомощи. Ну а если – нет? А что, если к моменту революции анархистские идеи и представления еще не смогут распространиться до такой степени? Что, если революция пойдет не по-анархически?

Что ж, отвечал на это Кропоткин, мы не знаем и не можем знать этого заранее. «Уже сейчас мы можем утверждать, – писал он в декабре 1912 года в обращении к собранию парижских анархистов по случаю его семидесятилетия, – что в этом намечающемся пробуждении масс идея анархизма ярко засияет, – будет стремиться к своему практическому осуществлению в жизни, будет влиять на ход событий. Как далеко пойдет она? Мы не можем этого предвидеть. Революция доходит до пределов своего развития лишь после того, как она длилась несколько лет». Петр Алексеевич надеялся, что она уже не сможет ограничиться рамками государственного социализма: эта граница, верил он, «уже превзойдена». От «энергии, а особенно от творческой силы, которую анархисты, идя рука об руку с народом, сумеют развить в Революции для выработки новых коммунистических учреждений, – от этих двух элементов будет зависеть доведение революции до полного освобождения общества от двойной тирании, которая его угнетает: от тирании **Капитала**, главной опоры **государства**, – и от государства – этого отца современного капитализма, его главной опоры и его наиболее верного слуги...»[1127]

Но даже если революции суждено погибнуть, она подаст вдохновляющий пример на будущее. «**Пора подумать о восстаниях, которые могли бы начать революцию**», – писал он Жану Граву 12 января 1910 года. Да, «это не будет анархия – мы это знаем, – но мы сделаем многое для либертарного коммунизма и для пропаганды идеи анархии – лишь бы поражение не пришло через два или три месяца после начала»[1128]. Надо пользоваться возможностью – и дорогу осилит идущий!

Можно и не добиться всех целей. Но даже если «грядущая революция не будет анархистской»... Если не выдвигать максимум своих требований, не распространять как можно шире свои идеи и только их – тогда не удастся достичь ничего! Кропоткин откровенно писал, что как минимум широкого влияния анархистских идей можно будет добиться лишь таким путем. А как только идеи завоюют сознание масс, начнет меняться и реальность. Ведь анархистское движение является одной из равнодействующих исторического процесса, а раз так – его задача действовать максимально активно, открыто пропагандируя свои идеи. И безразлично, считают ли их реалистичными или, наоборот, утопичными окружающие. Эту мысль он высказывает в одном из писем Домеле Ньивенхёйсу: «Общество раздирают в разных направлениях различные силы. Но двигаться оно будет сообразно равнодействующей силе, которая не будет являться Анархией, но будет приближаться к ней тем больше, чем больше будут наши силы. Давайте будем тянуть сильнее, тянуть влево, и равнодействующая еще больше переместится в эту сторону. И потом посмотрите: революция приближается. Произойдет ли она через 5, 10, 20, 25 лет – не столь важно. Она произойдет. И надо, чтобы она пришла в каждую деревню, каждый город, каждую группу людей, большую или малую. Это необходимо. Если этого не будет, то не будет никакой революции»[1129].

Здесь мы со всей ясностью можем видеть противоречивость революционной теории Кропоткина. С одной стороны, исторический процесс развития общества, этических идей-сил, тенденций к взаимопомощи и самоорганизации влечет трудящиеся массы к социальной революции, и ей предстоит быть стихийным взрывом в некий неожиданный и заранее непредсказуемый момент. С другой – анархистам следует как можно активнее готовить к ней народ, распространяя свои идеи и помогая им утвердиться в ходе повседневной

самоорганизованной борьбы за интересы людей. С третьей стороны, следовало участвовать в самых разных общественных движениях, и не было никакой гарантии того, что к моменту, когда социальная революция вспыхнет, она действительно примет анархистский, безвластнический, вольно-коммунистический характер, а если нет – тогда эту революцию ждет такой же откат, как и предшествующие революции.

Такое сочетание стихийности, идейной подготовки и практической неопределенности делало всю революционную «конструкцию» достаточно шаткой. Назревал вопрос: не следует ли анархистам, не полагаясь лишь на спонтанную, временно и периодически возникающую самоорганизацию людей, вытекающую из присущих человеку социальных инстинктов, заняться и сознательным, целенаправленным созданием новых структур будущего свободного общества?

Ответ на него постарался дать анархо-синдикализм с его массовыми рабочими союзами, подготовлявшими анархистский коммунизм; успешность такой работы, занявшей многие десятилетия и приведшей к созданию самого настоящего «контробщества», со своими организациями, нормами, ценностями, отношениями и культурой, можно было увидеть в Каталонии, Арагоне и частично в Валенсии в 1936–1938 годах. Это параллельное общество, считавшее себя носителем новой, кардинально иной, свободной и по-настоящему гуманной цивилизации, складывалось годами. Дети трудящихся учились в либертарных школах; начав работать – вступали в анархо-синдикалистский профсоюз; проводили свободное время в культурных центрах, центрах самообразования, библиотеках, на театральные спектакли или в кафе, созданных их движением; вместе с соседями-рабочими закупали продукты питания и вместе с ними боролись с произволом домовладельцев или попытками выселения из квартир. Профсоюз помогал им оказывать давление на предпринимателей, добиваясь трудоустройства в случае безработицы. При необходимости такое высокоорганизованное гражданское общество было способно проводить настоящие широкомасштабные акции неповиновения, к примеру – проводить стачки квартиросъемщиков. В ходе забастовок, организуемых анархистами и синдикалистами, нередко выдвигались не только чисто экономические, но и более «широкие» общественные требования. Так, во время одной из стачек рабочих пекарен в Барселоне бастующие требовали не повышения зарплаты, а улучшения качества хлеба. Анархо-синдикалистские профсоюзы собирали статистические данные по производству и потреблению[1130]. В момент революции организованным трудящимся оставалось лишь отстранить власть и капиталистов и утвердить свое «подготовленное» общество уже не как «альтернативное», а как единственное. Такая попытка и была сделана в ответ на реакционный военный путч, вспыхнувший в июле 1936 года: не дожидаясь какого-либо официального решения, трудящиеся начали захватывать предприятия и создавать сельские коммуны, вводя систему самоуправления. Правда, в конечном счете и это движение было подавлено, пав под напором превосходящих сил врагов. Но это уже совсем другая история...

Петр Алексеевич лишь частично признавал необходимость такой «построительной» деятельности. Только трагедия Великой Российской революции побудила его в 1919 году сделать примечание в переиздании «Хлеба и воли»: «Теперь, когда мы видим из опыта, как трудно бывает "создавать", заранее не обдумавши весьма тщательно на основании изучения общественной жизни, что и как мы хотим создать», следует пересмотреть

прежнюю формулу «разрушая, мы будем создавать» и сказать: «создавая, разрушу»...[1131]

* * *

От выявления, биологического и социального обоснования тенденций развития человеческого общества к свободе и солидарности на протяжении его истории, от беспощадной критики авторитарных и властнических начал в жизни человечества – к анализу путей революционного разрешения накопившихся губительных противоречий и облика нового вольного и гармоничного мира будущего. Такова была грандиозная панорама «научного анархизма», которую нарисовал анархист Кропоткин, опираясь на свои широкие, поистине энциклопедические знания. Это построение оказалось настолько огромным, что превратило Петра Алексеевича в ведущего и бесспорного теоретика анархизма в мировом масштабе. Он им остается и поныне, век спустя после его кончины, несмотря на все высказанные с тех пор возражения и сомнения, несмотря даже на некоторую непоследовательность или даже внутреннюю противоречивость его умозаключений и прогнозов.

При жизни мыслителя – по крайней мере, вплоть до начала Первой мировой войны – мало кто из анархистов отваживался открыто полемизировать с его учением. Как замечал в этой связи Макс Неттлау, идеи Кропоткина в те годы «редко осуждались, редко подвергались сомнению»: «многим мнения Кропоткина казались не подлежащими сомнению истинами, а другим представлялось нежелательным поднимать вопросы, чтобы не ослабить огромное влияние, которое оказывали личность, талант и преданность его своему делу»[1132]. Пусть позднее тот же Неттлау, как и некоторые другие анархисты и синдикалисты, критиковали децентрализаторские социально-экономические предложения Петра Алексеевича как устаревший и ретроградный «локализм», склоняясь вместо этого к принятию фактически марксистских рецептов насчет прогрессивности и пользы дальнейшей индустриальной централизации и углубления разделения труда.

Пусть кое-кто из анархистов 1920-х и 1930-х годов призывал вернуться от анархистского коммунизма к принципу распределения «по труду», считая, что он более соответствует склонностям современного человека. Пусть многие, как Малатеста, поставили под сомнение – возможно, справедливое – саму возможность научного обоснования анархизма, заявляя, что там, где речь идет об этике и свободе, нечего делать «позитивной» науке, имеющей дело исключительно с «данностью» в рамках «того, что есть», а не с «тем, что может быть». Пусть наконец XX столетие принесло не расширение свободы и солидарности, как прогнозировал Кропоткин, а углубление атомизации человеческого общества, усиление отчуждения и несвободы личности. Все так. Но, несмотря на все это, гениальные прозрения и выводы мыслителя-анархиста оказываются удивительно созвучны нашему мучительному времени, которое бьется в тисках кризисов и проблем, подчас кажущихся неразрешимыми. Биология, экология, альтернативные социальные и экономические теории, идеи общественной самоорганизации и самоуправления – все эти и многие другие отрасли сегодня нередко как бы возвращаются к тому, что было когда-то сформулировано Кропоткиным. Он – наш современник. И неудивительно, что его идеи, его анархистский коммунизм до сих пор остаются основой взглядов большинства анархистов в сегодняшнем мире!

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 13 июля 2025 15:53:30

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 13 июля 2025 15:56:22